

Марат Русский

Рогоз

«Автор»

2026

Русский М. А.

Рогоз / М. А. Русский — «Автор», 2026

Сборник стихов, переводов стихов, рассказов, критика и критика на критику.

© Русский М. А., 2026

© Автор, 2026

Марат Русский Рогоз

Посвящение моей любимой
жене Наталье

Ты знаешь, Господи, что не бегу я от труда,
И также знаешь, что боюсь забвения,
Согласен, как песок морской моя неправда,
Надеюсь всё же на Твоё благословение.

Стихи собственные

ПРО КОТА

Очень я люблю купаться,
Но не чаще раза в год.
Люблю с рыбкой целоваться,
Есть мечта – пойти в Морфлот.
Лучше всех сухих кормов,
Созданных хитрыми Янки,
Пресловутый русский плов
Из сёмги с валерьянкой.

Ноябрь, 2008 г.,
Р.Т., г. Казань, Горки.

АНГЕЛ

Забрезжила утра ранняя звезда,
Всего живого надежда показалась,
Юный ангел помолился, чтоб ни за что и никогда
Царство Света, гордецу деннице не досталось.

Декабрь, 2014г.,
г. Серпухов,
Высоцкий мужской монастырь.

КОВЧЕГ (Точка)

Точка, тире, точка, тире.
Ре, ре, ре.
Э, э, э!
Э!!!
Я выбиваю азбукой Тебе свою молитву,

Горе мне, Горний, горе.
Ритм моей рифмы – словно краткая битва.
Я был близок сказать Тебе:
«Бла-го-да-рю»,
Но противился здравому смыслу,
Так, как противился воле Твоей.
Прости, я часто видел в Тебе лишь Правило,
А не Коромысло и Точило
И тянул ярмо мудрости своей.
Ты! создал небо и землю,
Ты! создал млечный путь,
Я же без Тебя не мог создать и золу,
Я в бреду был способен создать лишь фиолетовую ртуть...
Ты не можешь спасти меня без меня?
Согласен, это логично.
Так защити ж меня от греха.
Милосердным будь.
Сделай меня лаконичным.
И снова и снова я с претензией к Тебе,
Зачем Ты наделил меня свободой?
Забота о своём рабе?
Но я придавлен. Хотя и предупреждён Твоей заботой.
Мне лишь иногда хорошо быть одному.
Укрепи моих друзей и мою о них заботу,
Сохрани любимых и родную мою сторону,
Всели в меня любовь.
И как Ною дай работу.

2013–2014г.г.,
Р.Т., г. Казань, Горки.

СМОТРЕНИЕ

Хочу добавить к жизни множество страниц,
Мили счастья, с ними поиски, духовные пытки,
И по-новому учусь у старцев и у птиц
Счастливым быть, даже в попытке.

Меня бросали, за наивность укоряя,
Теперь я реже предаю себя, боясь Небесного Отца.
Что главное – догадываюсь, но по-прежнему не знаю.
Возможно, с гордостью своей бороться и подставлять ланиты для удара гордецам.

И хочется спросить пока ещё: Зачем? и Почему?
Нет. Нет. Нет. Всё справедливо. Всё Ему виднее.
Братья научили не просить ни о чём.
«У нас у всех есть всё. Благодарю. Ума проси. Так от греха вернее».

Я, утопая, но барахтаясь в грехах,

Надежду тешу на прощение.
Мне помогает память о молодых моих годах,
Ран свежих крепкое воцение.

Вот так, приняв себя - ребёнка,
Душевных тварей, деревья, горы снега,
Стою на сваях с трепетом, Мир – тонкий,
И верю, что на мне всегда взгляд с неба.

2014г.,
Р.Т., г. Казань, Горки.

ЧИСТО

Спиртом руки протёр,
Перекисью вытер лицо,
Хлоркой отдраил квартиру,
В марганцовку погрузил ко-лен-це.
Всюду микробы, там и тут инфекция,
Вряд ли помогут скрабы –
Необходима тройная антисепция.
Две пары тапочек,
три пары свинцовых трусов,
Вот чек!
Мешок стерильных бинтов и ваток,
Тридцать четыре пары перчаток...
...Тот, кто создал меня,
Всего не предусмотрел?
Тот, кто создал Небо и Землю,
Обо мне не помнит?..
Апатия...
Бросил Он меня в заразу,
Как навоз с лопаты.

2013-2014 г.г.,
Р.Т., г. Казань, Горки.

ЛАПКА СЛОМАНА

Срочно написать хоть строчку,
Хоть, про от Армии отсрочку,
Хоть, про новую сорочку,
Хоть, про странный стих с названием Точка.

Думал про себя, что подрос;
Не дерусь, не курю папирос,
Не ношу давно бритых волос,
Былые невзгоды,
выдаёт лишь сломанный нос.

Несть во мне покаяния,
Несть терпения, хитрость есть.
Самооправдания много...
Но и вера в любовь есть.

Лапка сломана вопреки сопромата,
Глобализация.
Куча мусорных слов и мата,
Икуменезация.
Воротит от глянца,
Тошнит от стриптанца,
Бесит близких друзей тусовка,
На кого бы ложь свою спихнуть ловко?

Ту хочу спихнуть, что как ржа меня проела.
Ту, что сердцем моим завладела.
Все святые и бесплотные силы,
Обо мне молитесь,
Хочу иль не хочу,
От беды меня спасите.

2013-2022 г.г.,
Р.Т., г. Казань, Горки.

КАША БЕЗ ТОПОРА

После прочтения
стихотворения Б. Пастернака
«Про эти стихи»

Я бы тоже хотел, как Пастернак,
До зимы чего-нибудь истолочь.
Хочется великим стать как!
Надоело прозябать бестолочью.

«Снова читал Бориса и плакал?»—
Спрашивает вдруг маманя.
«Чем исчезнуть – лучше на кол.
Безызвестность, – говорю, –
меня совсем не манит».

Зачем тогда я приходил сюда?
Затем, чтоб с собой бороться?
Прийти на миг, как вешняя вода,
Ни с кем о том не поделиться?

Испытывать нужду во многом,
Съесть себя за малое терпенье,
Иметь в друзьях всех врагов врага –

Постоянство сумасшедшего сомнения?

Жизнь ломает и не только на словах.
Безусловно – это есть расплата,
Где товар дешёвый – страх,
Дорогой товар – Синдром Пилата.

Хорошо, сдаюсь, я лукавлю,
Скорей, лукавлю хорошо,
Сознательно и без, душой кривлю,
Божье выдать за своё спешу.

Примазаться ко Творцу
Может отважиться лишь глупец,
А Он меня, слава Ему, на правду,
что не ко дворцу.
подаждь ми, Господи,
доброе ума палаты,
и терпенья хоть с ларец.

2014г.,
Р.Т., г. Казань, Горки.

РАЗБОЙНИЧЬИ СТИХИ

В который раз в любви я клялся,
Не предавать, не отступать на йоту,
Ну, а когда иным не смог не восхищаться,
Конечно, уподобился Искарюту.
В предательствах превозмогал и преуспел,
Всё равно, объект духовный иль юридическое тело,
Кому судьбу разрушил и душу чью задел.
Нет, не могло такое продолжаться долго,
И к счастью, я её повстречал,
Из глаз бежит слеза и в сердце колко.
«Мамка! Прости!» - я тогда навзрыд прокричал,
Бела и статна, златоглава.
И молчалива, и нежна,
Достойная невеста князя,
Великодаровитая княжна.
В небо она куполами упиралась,
Взглядом одним сохраняя покой,
Невидьмо ж, в сознание врубалась,
Стал тогда понимать – кто я такой;
Мнение собственное, ханжество и лицемерие,
Начал видеть тогда у себя,
Отрезвлялся звериного зелья,
Душу напрочь проела предательства тля.
Точно знаю, что быть,
Благая Весть мне станет булавой,

Не стану в унынии ныть,
Верю, мне поможет в любви,
Твоя, Господи, исчерпывающая слава.
2015г. Р.Т., г. Казань,
Дербышки-Станция.

ДОМОЙ

Уже не нужно в пустоте искать вдохновения.
Теперь ты у меня есть,
Мы вместе, и часто, в тишине затворения,
О нас дерзаем мыслить весть.
Как пешку, на линию восьмую
Мысль о нас не борзая тащу,
Скоротечную, прямую,
Твёрдым словом вы-мо-щу.
Верю - оправдан, не холостяк,
Устал бояться, страх долой.
Ты – мой герб! Я – твой стяг!
Новый курс берём – домой.
Знаем, где у врага засады,
Знаем, как избежать досады,
Надеемся, нам хватит сил,
не только боль терпеть,
но радостей волнения.
Речёвка – крепче строй! Молитва – Господи помилуй!
Томимся в ожидании испытаний нашей силы,
Мы станем благодарны горкам,
Облагорожены будем Горой.

2015г. Р.Т., г. Казань,
Дербышки-Станция.

ГОЛОС

Я придумаю себе мечту,
Цель поставлю главную,
Средь снегов тебя разыщу,
Для меня только ладную.

Незаметно полюбил прощать,
Закрывать глаза на все твои опоздания.
С тобой могу часами в очереди ждать,
Без тебя два дня, как наказание.

Буду ждать, когда ты мне споёшь,
Хоть про лес, хоть про речушку,
Верю, силы ты найдёшь,
Робко, шёпотом, иль на всю катушку.

А потом с тобой мы вместе

Запоём без страха,
Найдём под солнцем место.
Будут стены у нас, будет сахар.

Голос нам Его поможет
Смыть всю грязь духовную.
Жертву принесём подороже,
Дорогую для нас - бескровную.

Станем о любви петь,
Помня, что вначале было Слово.
Гореть для людей или долготерпеть,
Плавиться будем, как олово.

Чтоб в духовной борьбе,
Как в мартеновской печи,
Навсегда забыть о себе,
Может, люди тогда
вспомнят нас доброй притчей?

«Гордость? В памяти внуков жить?
Чтоб лести не счесть?
Чтоб били в ладоши?» –
Вместе с этим
Путь исканий будут ворошить,
Где, и начало, и середина, и конец хорошие.

2016 г.,
Р.Т., г. Казань, Горки.

ПАПЫ КНИЖКА

Дождь, тёплый дождь,
Он никогда не предавал тебя.
Дождь, тёплый дождь,
Скорей всего, он успокаивал тебя.

Он ревновал к тебе, что ты его длиннее,
Он от добра подрачивал тебя,
Он ревновал тебя к зиме скорее,
Он искренне не ждал взаимного тепла.

Он искренне желал мороженой брусники,
Как будто говорил: «Прости» за горечь огурцов,
Мечтал об Арктике и грел листву пожухлой земляники,
Он знал про горечи отца.

Он счастлив был, что наконец
Ты про любовь хоть что-то понял,
Иуды путь – любви конец,

Бежишь ты сам, тебя никто не гонит.

Он радовался за тебя, как маленький мальчишка,
Он знал, что прочитал ты Его Папы книжку.
Дождь, тёплый дождь,
Скорей всего, Он успокаивал тебя.

2013г.,
Р.Т., г. Казань, Горки.

НАЧНИ С СЕБЯ

Мне слушатель необходим,
Как драматургу нужен критик.
Каков прогноз про связку воздух – дым,
Беспристрастный проречёт аналитик?

Засыплет аплодисментами?
Или в бездарности кто упрекнёт?
Полюблю в себе сантименты,
Плачь слепого котёнка к труду подтолкнёт.

Хорошо, что критиком не станет тот котёнок,
Из благодарности услышал бы я лесть.
Дороже слово, что вымолвит искушённый инок,
Мало слов у него, ведь ошибок не счесть:

«Лживых слов написано не мало,
Густо выслана ими русская земля,
Желание славы себе – что смерть от кинжала,
Будь правдив, начни с себя».

Август 2015г.,
Р.Т., г. Зеленодольск.

ЛЮБИМОЙ

На сырую землю не ложится снег,
Мне твердят, что невозможен от себя побег.
Но, а я надеюсь, одинокий путь,
Мне Господь поможет должно разомкнуть.

Он пошлет мне ветер,
Ласковый, солнечный день;
Даст мне сил, ума терпети,
И подарит полезную тень.

Доброжелательных даст соседей,
И надёжных попутчиков даст.
Подвигнет к добрым идеям,
Снимет прошлого балласт.

И как будто само собою,
В нашем доме поселится мир.
Жилище наше Своею Рукою,
Сохранит Он пристанищем Муз и Лир.

И так вот, сменяя друг друга, сезоны,
Желая нами, медленно потекут.
Сам Он и лики святых на иконах
От смертных скорбей,
Раз и навсегда нас уберегут.

2017г. Р.Т., г. Казань,
Дербышки-Станция.

ПРЕДАНИЕ

Презирая фальшь в одежде,
В телогрейке сижусь у костра
И, если в книге не нахожу любви,
Удостаиваю ту книгу сего достойного костра...
Роберт Рождественский,
Андрей Вознесенский,
Кто следующий?
Может быть я, Евгений?..
...Нет, ведь я даже не Воскресенский.
Вы! Часовые Шестидесятники!
Семидесятники!
Восьмидесятники!
Где мне до вас,
Минутнику?
Десятнику?
Двадцатнику?
И, если повезёт, Тридцатнику?
...Забуранило и завьюжило,
Это значит, что скоро влюблюсь,
Сердце, израненное каменночувствием, ожило.
Жизнь!!!
Вот уж скоро к тебе я вернусь.
Зима! Ты как суровая, но любящая мать,
Хранила мой покой от голода и зноя;
Ты стерегла мой дом, как детскую кровать,
И снегом завалив покруче дорогого крова.
Обещаю любить других,
Жертвуя ежедневно;
Обещаю, что ради вас, себя и них,
Буду стремиться быть искренним и откровенным.

2017г. Р.Т., г. Казань,
Дербышки-Станция.

КАЗЁННЫЙ ДОМ И ДОМ РОДНОЙ

Ты родилась в казённом доме,
И таких казённых домов
Тебе полюбившихся будет немного,
Но всё-таки укрывающих от ветров.
Семейный дом, своя квартира,
Снятый в отпуск дорогой отель,
Столик на террасе у трактира,
Домик с видом на Идель.
А ещё, конечно, будет садик,
Будет школа и ВУЗ,
Концертный холл и маленький парадик,
Поле, где растёт картофель и арбуз.
А ещё казённым будет ветер,
Озера гладь, океанская волна,
Птицы в парке и забавный сеттер,
Улыбка мамы и папина рука.
И куда бы ты не стремилась,
И откуда бы ты не ушла,
Где бы ты не укрылась,
Для Бога ты будешь хороша.
Дом Его не знает начала,
Дом Его не ведает конца,
Полюби Творца сначала,
Глядишь, и в Сущий Дом войдёшь, как верная овца.
Не суди. Не бойся судов.
Не печалься. Гневом себя не береги.
Не снимай с себя рабских оков,
Лишь для Рая себя береги.

24, Март, 2017г.,
Р.Т., г. Казань, Горки.

ВТОРОЙ СЕСТРЕ

Добрый снег окутал землю,
Деревья укутал, словно шарфом;
Явлениям этим безропотно внемлем,
Пред новым рожденьем спит отеческий дом.

Верим, что снова приидет весна,
Свет увидит море новых деревьев.
В землю-мать благая войдет борона,
Дождём насытятся коренья.

Ну, а пока торжествует зима,
Мы отмечаем день рождения Натальи.

Просим у Бога для неё лишь доброго ума,
Здоровья без болезней и печали.

Чтоб многая встречала ты лета,
Объятая чтоб для радостей хранила,
Носила в сердце, чтоб любовь без конца,
А начатки зла на подступах чтоб хоронила.

И с природой просыпаясь от сна зимнего,
Мелочам, как в детстве, умиляйся.
Обретая ощущение, будь наивной,
Дыши ровно и в Господе спасайся.

Январь, 2018 г.,
Р.Т., г. Казань, Горки.

БЕЗ ОСТАТКА

К своей любви мы шли различными путями,
Боримы были многими страстями и похотями.
Зачем-то жаждали признания друзей, подруг,
И в этом поиске не для себя, чуть не замкнули круг.

Затем, сжигая за собой мосты и плиты перекрытия,
Мы быстро шли, переходя подчас на бег.
Я и ты стучались, барабанили в двери закрытые;
Не чувствуя, знали: всё это только разбег.

Сомнений в существовании друг друга было мало,
Мы свято верили в гармонию Мира,
Когда увиделись, сомнений и вовсе не стало;
Ты грациозна, как виолончель, и я тебе послушен,
Как твоя послушная гитара.

Мы очень долго жили в страхе,
Гонимые предвзятостью чужой;
Строила ты – на песке, я – на прахе,
И оба желали поклясться всегда:
«Я – без остатка твоя!»,
«Я – без остатка твой!»

... Теперь мы перестали клясться,
Мы перестали за собой сжигать мосты,
Верим, с Богом всё удастся,
Знаем, как целебны, как нужны посты.

2018-2023 г.г.,
Р.Т., г. Казань,
Дербышки-Станция.

ВЕСЕЛО О ГРУСТНОМ И СЕРЬЁЗНОМ

Печь. Две двери. Два окна...
Не прижимайте меня к обрыву!
Я лишь погреться хочу у огня,
Помечтать о весеннем тепле и весенних разливах.
Не хочу «Как надо»,
Хочу «Как хочу».
И пусть, обласкает моя серенада,
Лишь того, кого я захочу!..
Кажется, сжѐг все улики
Варварства моего.
Пребыванье моё вновь безлико:
Ни следа, ни слова, ни мысли –
Короче, обо мне вообще ни-че-го...
Людам больше ничего не нужно,
У людей есть абсолютно всё...
Нет! Пойдите!..
Оружье нужно безоружным,
Умным нужно доброе *PORTFOLIO*...

Слова нужны поэтам,
Чтоб чуть-чуть разбогатеть,
Чтоб было масло и котлеты!
Без надобности чтоб
ни мѐрзнуть, ни потеть.

Бессловесных в нас чтоб презирали и немых,
Уважали, чтоб в лицо.
Чтоб любили тёплых нас, живых,
За бриллианты, золото,
и за медное кольцо.

2019г.,
Р.Т., Пестречинский район,
Шигалеевское сельское поселение.

ЭКХОНОМОС

Дни ясные сменили
прежние ненастные,
С надеждой оба молитвы творим.
Зелѐно-неспелые мысли стали красными.
Дороги жизни мы благодарим.
Всѐ вовремя Ты делаешь, Творец.
Не отверзай и впредь руки от нас своей,
Полезно раньше не дал нам дворец,
Подчинены теперь полезно воле мы Твоей.
Отштормила непогода тревожных наших чувств,
Их словно зашило, загладило.

Ценим теперь прикосновенья уст,
Будем ценить как закон
Наши несложные правила.
Будем осторожно экхономос стеречь;
Будем, как только возможно,
Нашу взаимность беречь.

Январь, 2019 г.,
Р.Т., Пестречинский район.

ТРИБЬЮТ ТУ ТРИБУН

Время поэтов одних – прошло,
Время поэтов других – ещё не пришло.
Время не пришло будить сознания,
Времени много прошло,
Ни к чему ворошить старые воспоминания.
Поэты – трибуны, не манипуляторы,
И вы, не манипулируйте ими,
В поиске они – они не провокаторы,
Будьте и вы человечнее с ними.
Нет хуже заласканных поэтов,
Поэты – бунтари, а не масляные коты
Везде чужие,
И это
Их генетические коды.
Да их. Их много.
Сегодня, возможно, как трутни они сидят на печи,
А завтра может быть голод,
Потопы, пожары, война.
И именно они, пойдут сами и поведут за собой,
что есть мочи,
К новым победам, новые имена.
Привилегии к чёрту, туда же признания,
Туда же весь опыт человечества,
Позвольте им самим проводить дознания,
Позвольте им по-своему любить их Отечества.

2021г.,
Р.Т., г. Казань, Горки.

ПРОШУ МЕНЯ ЛЮБИТЬ И НЕНАВИДЕТЬ

Прошу меня любить и ненавидеть,
Прошу дружить со мной и предавать,
С требованием любви и с просьбой,
На меня прошу восставать.
Называйте меня как хотите,
Можно даже ставить в печь.
А, Как же «Но»?

Лишь «Но» вы мне не говорите,
Я за «Но» не готов умереть.
Жить готов за песчинку с травинкой,
Жить готов за ложь, за тоску,
С бревном в глазу и с сердцем со льдинкой,
Жить не просто готов, я так живу.
Мне всё равно, что так живут другие,
Свой выбор в чистоте не храня,
Не всё равно, что свой личный выбор,
Я хороню, себя не храня.
Если хочешь, будь ко мне милосердным,
Жизнодавец, Истоков Исток,
Дай мне иного пути, Незабвенный,
Или надежды, хоть малый глоток.

2019г.,
Р.Т., г. Казань, Горки.

ПТИЧИЙ ТРОПАРЬ

Февраль...
...Вернее, его середина.
Птицы зовут весну,
Сугробы на подоконниках,
На крышах – льдины,
А они зовут неистово,
Сидя на ветках,
И даже на лету.
Проснись! Пробудись, всё живое!
Надежду храни на весну,
Большое и малое, всё Земное!
Зовите лишь её одну.
Без наших просьб, надежд и чаяний
Может она и не прийти,
Без наших желаний,
Ваших очарований.
В тупик отчаяния мы можем все зайти.
Но вместе, все, кто имеет голос,
И те, кто сохраняет трезвый нрав,
Новую жизнь, кто стоя, кто полозом,
Будем звать, и не важно, кто прав.
Согласно прогнозу,
Следуя календарю,
Верим, уйдут неприхода весны угрозы,
Возрадуемся новому птичьему тропарю!

15, Февраль, 2022г.,
Р.Т., г. Казань, Горки.

АЛМАЗЫ

Алмаз души своей растя,
Затем шлифуя,
Маню к себе любовь и счастье,
Они ко мне, когда не торопясь идут,
Когда бегут, ликуя,
Сберегая от лжи и ненастий.
Вот тысячной волной
Господь тебя мне посылает,
Твоей не дюжей внутренней красотой,
Меня на прочность проверяет...
Как заблудших сына и дочери плоть,
Всевышний нас уже двоих оберегает.
Милосердный Господь
Нашу общую структуру решеток
Хранит и умножает.
Ошибки наши терпеть не просто,
Ведь не редко мы хитрим, творим обман,
Верим, что всё, возможно, к росту,
Чтоб принять Его неисповеданность, скорее, разум нам и дан.

2008–2022 гг.,
Р.Т., г.Альметьевск, РТС,
Р.Т., г. Казань, Горки.

ВЕРЮ

Любовный крик прибрежных птиц
Меня будит к молитве.
Милосердия прошу, пав ниц,
Твёрдости прошу в духовной битве.

На поле брани ищу полезную боль.
Мне уже как будто мало,
Не первый это мой духовный бой,
И я легко поднимаю забрало.

Надежду храню,
Даже если этот бой и последний,
Страх нет!
Ведь я любовь свою земную,
Уже давным-давно нашёл,
Стремлюсь в бою на край передний,
Веруя: гибели час мой ещё не пришёл!

Верю, что спасение полезное найду;
Верю, с Богом отыщу его из тысяч,
В городе, в степи, на льду;
Верю, Бог поможет его мне
Хоть из камня высечь.

2013–2022 гг.,
Р.Т., П.Г.Т. Алексеевск

ОТЕЧЕСТВО

Отечество, в котором я живу – богато
Не только лесом, серебром, лисицами.
Та земля, по которой хожу, Безусловно, Богом объята;
Наделена она щедро, людьми с красивыми, терпеливыми лицами.

Одни из тех людей рождены с чистым сердцем,
Другие – с добрым умом,
Одни легко приходят к Джоулям и Герцам,
Другие приходят к себе и к Богу,
Кто – тернистыми милями,
Кто – долгим упорным трудом.

Пусть недруги зовут мою страну
Землёй лентяев, пьяниц и воров,
Отечество моё не только «радина - пристанище»,
Но кузница державная
Военачальников,
академиков, профессоров.

Июнь 2022 г.,
Р.Т., г. Казань, Горки.

ЧЕРЁМУХИ ДРЕВО

Горячее утро, кофе, душ.
Поцелуи тоже горячие.
Любовь наших душ?
Да! Любовь наших тел, словно зрячая.

О такой горячей любви,
До тебя, я не мечтал.
И скорее был не готов,
Стартом к ней стал мой вчерашний амурный аврал,
Сегодняшних мыслей полёт уже без оков...

Завтра ты захочешь быть моей навсегда.
Так как до этого была не моя...
Успокаиваюсь – у тебя это не временно!
Предчувствую - мы с тобой - навсегда!
И пока лениво, наслаждаясь, обнимаю тебя.

Тебя уже не волнует, что ты стала старше,
Мне веришь, что хороша на запах и на вкус,
Я ж верить хочу, что для меня,
Быть можешь только ты себя краше.
С такой же лёгкой, грациозной поступью,

С такой же сладкой приторностью уз.

Покалывая, щемит сердце,
В свою любовь взаимную вдруг верим оба вновь.
Вчера, на время, приоткрыли друг для друга дверцы,
Чтоб вся не утекла по венам, кровь.

...Пусть, то самое завтра станет оценкой;
Времени приобретенного, приобретённых чувств,
Пусть на годы останемся,
друг для друга от сливок пенкой,
А продуктом любви нашей станет,
Посаженные нами, черёмухи древо,
и ароматный сиреневый куст.
Май 2023г.,
Р.Т., г. Казань, Горки,

Декабрь 2024г.,
г. Уфа, Дёма.

ПОЭЗИЯ ХУДОЖНИКА

Всё готово к зиме,
Ей одной лишь всё покорилось,
Богом данная, ты, на моём холсте,
В глади озера отразилась.

Звуки глубокой ноябрьской тиши,
Красоту указав твоих черт и влас,
Не способны улучшить,
Иных щедрот от Бога, очарования крас.

Так же, как и зима,
Разминаясь в передней,
Ты становишься частью меня,
Добровольно прощаясь в себе, с всем осеним.

Аккуратно, продолжаю писать ту картину,
Ясной мыслью и твердой рукой,
Кистью и маслом, прошлого, растушёвываю паутину,
...Там у озера, я стою с тобой.
21 ноября, 2024г.,
г. Уфа, Дёма.

По мотивам переводов
*Достоверность ущемлена моим желанием сделать совершенные стихи,
однако, это всё-таки большие переводы, чем переименования.*

All Along the Watchtower
Североамериканская народная песня

БАШНЯ СТОРОЖЕВАЯ

«Должен какой-то быть выход отсюда», –
Промолвил Весельчаков Плут, –
«Я запутался, словно Иуда,
Ничто не помогает от пут.
Те богачи, что пьют вино,
Вряд ли желают знать,
Чем живут виноградари
И как виноградари спят.
Я уже почти не волнуюсь,
Жизнь смирила меня,
С Джокерами я не тусуюсь,
Двойки, тройки, четвёрки — мои близкие, друзья, родня.
Откуда? Кто? и Где мы?
Меж богачом и бедным вечный спор.
Закончим, не начиная тему,
Кто есть истинный вор.
Апостолы Башни сторожевой
Клялись завет хранить,
Но, несмотря на нищих вой,
Морали утеряна нить».
Нелегкий путь, уже не суть,
Тяжёл и скоротечен был он,
словно джэб,
Где путнику приткнуться? Где свернуть?
Лишь у ветра, того, что от Бога, ответ:
Будет день,
Будет хлеб,
Будет путь.

2016-2020г.г., Р.Т., г. Казань,
Дербышки-Станция.

Little sister

U2

МАЛЫШКА

Расслабься, малышка, сегодня,
Приняв тепло от Солнца,
Даже если западня или сводня,
Ты мёд на языке, ты свет в моём оконце.
Любовь возможно взять в аренду,
Но только не целомудрие,
Верю в это, как в святую легенду,
И отступление для меня равно безрассудству.
В отсутствии тебя,
Мистически других не замечаю;
Не желая терять тебя,

Пробовать это опровергать не начинаю.
Ты можешь быть заледеневшей,
Можешь от любви бежать,
Но эта любовь, миллионы согревшая,
Способна за ноги тебя удержать.
Я думал тогда, что впервые
Увидел тебя и в последний раз –
Ту соседскую девчонку,
Обладательницу карих глаз.
Кажется, вечность с тех пор пролетела,
А я всё слоняюсь по той улице и шастаю,
В надежде видеть твоё тело,
В поисках красы твоей вчерашней.
Но ты ушла,
Взамен оставив слоги, рифмы, ритмы,
Ради будущих благ,
Ради будущей жизни.

2018г., Р.Т., г. Казань,
Дербышки-Станция.

Псалом 90

Художественный перевод
с церковнославянского языка
ЗАСТУПНИК

.
Живущий Богом, Им укрепиться,
Молящийся Господу, Им сохраниться.
Заступник наш, к Тебе взываем!
Будь сенью от врага, на одного Тебя в скорбях мы уповаем.
Легко нас выручишь из сетей ловкача,
От клеветы напрасной нас избавишь;
И ощутив когда-нибудь в коленях дрожь,
Мы также ощутим поддержку Твоего плеча.
В оружие одевшись истиной Твоей,
Отважно гоним страх ночной,
Мы вражьи козни браво встретим днём
И также храбро от греха мы отмахнёмся,
Находясь под пленной тьмой.
От нашей стороны враги посторонятся,
И те войска, что если и окружат нас,
Пусть знают, будем мы обороняться,
Молиться будем, не смыкая глаз.
Мы под Твоим невидимым надзором,
Те, что с одним грехом и те, у коих их полста,
Под Троичным любящим взором,
Под взором Иисуса Христа.
Добро к нам придёт,
И здоровье приблизится,

Нас Духи в путях сохраняют,
Изранено-преткнувшихся о камни Царствие близится,
Их Ангелы крылами хранят.
Гордыню нашу растлишь и растопчешь,
Обрящим Тобою смирение,
Твоих ратных подвигов уйма, не счесть,
Заступник! Твои мы творения,
И лишь на Твою уповаем на Честь.
Призовёшь, и откликнемся,
Славы добудем Тебе,
Тобой долголетие откроется,
И если позволишь, принуждим спасенья себе.

Июнь, 2020г.
Р.Т., Пестречинский район,
Шигалеевское сельское поселение.

When the Levee Breaks
Североамериканская народная песня

ПЛОТИНА

Снова льёт, с неба льёт,
И не перестанет если,
То плотину смоем и снесёт,
Что тогда мы делать будем вместе?
Старушка-плотина, я плачу,
Ты гонишь из дома меня,
В путь пора, зря только время трачу,
О, да. О, да. О, да.
Куда же нам идти? Куда податься?
Когда свой кров мы потеряли,
Мы обрели отчаяние печаль.
Должны теперь мы с мыслями собраться.
Ушло молитвы драгоценное время,
И только этого искренне жаль.
Всю ночь просидел у затопленной плотины,
О многом подумать успел,
Негоже терзаться, когда испытаний – година,
Ниже на Юг! – Вот наш удел.
Там Чикаго на Юге,
И вряд ли мы там нужны,
Там не пахнут землю плугом,
Но выбора нет – в путь собирайся,
Ведь сохранить мы друг друга должны.

2021г.,
Р.Т., г. Казань, Горки.

Eazy Ride

Madonna

В КОЛЬЦЕ

Хотела лучшей жизни,
Значит не простого пути,

Хотела всего сама добиться,
Пот, мозоли и кровь,
на руках своих обрести.
Всё чего хотела -

Хотела много знать,

Верю теперь - найду своё место,
На лицах детей,
буду видеть солнце,

Глубоко буду, ровно дышать.

То чего сейчас хочу -
Обиды отпустить,

К далёкому будущему
Навсегда с тобой уплыть.

Только, в том будущем далёком,

Навсегда остаться жить
То - единственное место,
где
хочу с тобою
быть.

... Но пока, хожу по кругу,
Будто бы в кольце,..
Разомкнуть пытаюсь дуги,..
Скоро буду дома,
Слёзы радости на моём лице.

май, 2024г.,
Р.Т., г. Казань, Горки.

Bruno Mars

Die With a Smile

В ПОСЛЕДНИИ ДНИ

Очнулся от кошмара ночного,
В котором мы разошлись.

К чему бы это ни грезилось снова и снова,
Мы вместе! И дальше будем по жизни бежать иль плестись.

Запутаться можно в громких речах,
Но только, ни нам;
Ты знаешь, кто есть ты в моих очах,
Мы знаем, что наша любовь есть не видимый храм.

В последние дни мы будем рядом.
Я обниму, поцелую тебя.
Безусловная святость не обещана Богом,
Заработаем завтрашний день лишь любя.

16 январь 2026 год,
Уфа, Дёма.

Моя любовь – Господь,
Мой друг - молитва,
Мой враг – неуёмная плоть,
И цель моя – с паденьями битва.

РОГОЗ

Вторую неделю лил дождь. Метеорологи уже сообщили об ожидающихся изменениях в погоде на сухую, солнечную. Пока же Леонид Исаакович грел промокшие и от этого озябшие ноги у печи. Евгений сидел рядом, кутаясь в старинное верблюжье одеяло зеленого цвета.

Этот рыбацкий домик был максимально простым. Евгений, как хозяин домика редко испытывал гордость от своего обиталища. Теперь же был тот редкий случай.

Домом Евгения был садовый флигель. Щитовой утеплённый домик с печным отоплением, площадью шестнадцать квадратных метров, с ещё более крохотной верандой и совсем ничтожной прихожей. Он жил там один. Когда-то у него была надежда жить здесь, с тогда еще женой Полиной и недавно родившейся дочерью, однако по множеству причин этому не суждено было случиться. Евгений стойко и лишь иногда болезненно переживал развод с женой. Он будто знал, что любовное затишье – этот штиль – это пауза перед новой бурей страстей, способной преобразиться в самый длительный его любовный бриз. Любовному бризу суждено было прийти, прийти с другой стороны, но не так скоро, как этого желал Евгений.

– Ты, Евгений, выбрал путь не простой, – начал свой монолог Леонид Исаакович, бывший преподаватель Евгения по истории и философии. – Твоё стремление углубиться в познания ортодоксального христианства совсем не лёгкая затея, – продолжал Леонид Исаакович. – Не хочу тебя пугать, но хочу предупредить, что тебе предстоит путь канатоходца. Тот путь спасения, о котором проповедуют священники, именно таков. Он действительно узок и малоудобен. Этот путь в чём-то схож с путём философа, но разница, конечно же, есть. Ведь, что такое "парадокс"? Парадокс – это разница между теорией и действительностью. А что такое "смирение"? Смирение – это принятие всего с миром. Так вот, я учу своих студентов, и тебя учил, видеть парадоксы и принимать их с миром. И тебе на твоём поприще понадобится много сил. Тебе предстоит усмирить свою же категоричность. Парадокс христианства, на мой взгляд, в беспощадности не только ко греху, но и к носителям оного. Тебе предстоит найти этот баланс между добром и злом. Я, по своему желанию, могу быть и категоричным, и смиренным. В этом я как философ не вижу моральной дилеммы. А вот тебя эта дилемма ожидает... Метаморфозы

происходят не только с отдельными христианами, но и с целыми народами. Например, народы, жившие в центре Европы, в средневековье были самой верующей паствой. Среди них не было язычников. Мусульманские кочевые народы приходили лишь на короткое время, они грабили и уходили. Все же оседлые нации веровали во Христа. Те средневековые христьяне не только с радостью принимали гибель за Христа, но и сами беспощадно уничтожали за Него. Огромные войны, как братоубийственные, так и войны с иноплеменниками унесли жизни многих людей... Люди по-разному верили в Иисуса Христа. Теперь же они по-своему верят в Бога вообще. Я бы сказал, молчаливо, так как религия для них не связь с Богом, а инструмент для манипуляций. Прочти эту книгу, занимательно, – Леонид Исаакович вытащил из своего саквояжа томик Алоиса Йирасека и протянул его Евгению. – Да, я пришёл к тебе подготовленным... Это не только художественный, но и исторический труд, представителя уже не существующего чехословацкого народа. Наверное, поэтому теперь тот же самый народ, – продолжил Леонид Исаакович, – позиционирует себя атеистами. Возможно, это страх после "опеки Советами", возможно апатия, многовековой опыт. Факт в том, что называться безбожниками сейчас для них гораздо безопаснее.

Евгений пил травяной чай, Леонид Исаакович пил кофе с молоком. Евгений уважал своего бывшего преподавателя и, зная, что тот любил горячий кофе, следил за этим и систематически освежал напиток. Евгений не любил дискутировать, тем более не хотел этого сегодня.

– Вся история человечества, – продолжал Леонид Исаакович, – о том, как человек вначале пытается подчинить Бога себе. И лишь некоторым, правдивее сказать единицам, удалось подчинить себя Богу. Все открытия человека: в физике, в лирике – это описания крупниц Божественного. Мало кто будет спорить, что существует Закон Притяжения, но до сих пор встречаются безумцы, опровергающие формулу: "Бог – есть любовь". Мало желающих переходить улицу на красный сигнал светофора, однако огромная армия людей позволяет себе обижаться. Одну из добродетелей христианства я бы поставил выше других. На мой взгляд, это доброжелательность. Сказать, что одна добродетель превышает другой, не объяснив почему, – это всё равно что сказать "мойте руки перед едой" и умолчать о печальных последствиях обратного. Я согласен, что качество мыслей зависит от среды обитания. Индивидуум, преуспевший в накоплении, не сможет получать удовлетворение длительное время, находясь в роскоши среди бедноты. Рано или поздно он осознает, что истинное счастье возможно лишь в окружении подобных себе богатых людей... Возможно, тогда-то и возникла идея-вирус, идея тотальной доброжелательности, идея улучшения уровней жизни окружающих нас людей. Доброжелательность – это форма современной необходимости. Основа безопасности жизнедеятельности. Некая противоположность множеству единоборств – макропланерность, наномодельность. Форма с множеством названий и с единой унификацией, по сути. Желание окружающим лучшего, того, чего желаешь себе и имеешь сам. Стоит помнить и о других силах обратного действия доброжелательности. Это, например, зложелательность. Я давно уже перестал называть пороком ту или иную человеческую активность. В зложелательности я также не вижу порока. Это точка, от которой нельзя оттолкнуться. Назову её промежуточной на пути к точке «нищеты», из которой-то, на мой взгляд, и возможен отскок. Подчинить себя Богу – это добровольное путешествие в точку нищеты, добровольное перевооружение. Сложить зависть, гнев, вооружится терпением. Приобрести смирение. Другими словами, раздать всё и идти за Ним. Довериться Ему, ведь Он любит нас больше, чем мы любим самих себя. Это теория, которой я придерживаюсь. Разится она с действительностью или нет, определит лишь твой опыт. Из своего же личного опыта хочу предупредить тебя держаться подальше от людей, проявляющих излишнюю заботу о тебе. В разные времена люди, как доспехами, вооружались и вооружаются идеями, равными их времени, то есть «современными». В мои времена были очень популярны мировые антифашисты-социалисты. Именно от них, а не от наших классиков я уверовал в ту идею, что каждый отвечает за всех, все отвечают за каждого. Высокая степень ответственности, доведённая до

абсолюта, возведённая в культ, – почти по слогам произнёс Леонид Исаакович. – Именно эта идея стояла у глобалистов того времени поперёк горла. И они правильно сделали ставку на разрушение идей интернационала. Они разорвали цепь под названием «Дружба народов». Я убеждён, что Господь ограниченно, то есть рассеянно, посылает в Мир людей генерирующих, ретранслирующих и, самое главное, правильно формулирующих идеи человеческого общежития. Ни Иисус, ни Мохаммед, ни Ленин – прости, что поставил их в один ряд – они не пришли к святым. Все они спустились на Землю, словно в грешный ад. Я часто слышу: «свои», «чужие». И если предположить местом вашей Родины – Рай, то выходит, что грешники для вас более свои. В существо праведников я не верю. Иоанн Кронштадтский называл себя грешником, и у меня нет причин ему не верить.

По поводу греха: к грехам мы относим как маленькие промахи, так и ярко выраженные ошибки. Писатель той книги, которую ты мне дал, Гарри Шомбург, удачно сравнил последствия греха с последствиями взрыва ядерной бомбы. Но людей не пугает даже это...

Леонид Исаакович протянул второй томик Евгению:

– Спасибо, есть свежие мысли.

Хорошая религия не должна запугивать, но обязана предупреждать от совершения ошибок. И, на мой взгляд, последствия греха лучше сравнивать с интеллектуальным вирусом, способным довести любой организм до самоуничтожения. Ошибочно полагать, что подлещи не способны к покаянию. Любое отхождение от цели непредсказуемо может превратить судьбу в ад уже при жизни. Важно всё: иммунитет, воспитание человека, интеллект вируса, его уровень. Жизнь человечества сравнима с жизнью океана, который выплёвывает из себя всю грязь, самоочищаясь. Так и мы обязаны быть благодарны за рождения, за смерти, за болезни. При любой возможности не грешить, пользоваться этой возможностью. Теперь я думаю, что всё это; коллективная карма, коллективная аскеза, коллективное покаяние – предполагает коллективную исповедь. Не для того она, чтоб манипулировать этим коллективом. Хотя, кажется, что сначала идёт некое навязывание чувства вины, с последующим приведением к коллективной аскезе.

И по поводу кармической пользы: я глубоко уверен, что каждый индивид должен ежедневно испытывать разные чувства, вплоть до противоположных. Например, гордость в сочетании с позором, радость в сочетании с предательством, любовь в сочетании с унижением. И так далее.

Евгений недоуменно уставился на Леонида Исааковича.

– Да, да, да! Я глубоко уверен в пользе стыда и унижения. В свои немалые пятьдесят, я по-прежнему, как и в детстве, испытываю стыд, но теперь я радуюсь этому. Я уверен, что это мне на пользу. Дело в том, друг мой, что все мы, живущие на этой планете, варимся в «своём соку» гораздо дольше, чем можно предположить. Так вот, сюда никто ничего не привозил, и отсюда никто, ничего не увозил. Мы как чёрный пластилин, тот, который когда-то был цветным. Солнце и смех, прах и черви – это всё нейтральное и поводов для гордости может вызывать ровно столько, сколько поводов для стыда.

– То есть чувство стыда — это катализатор? – спросил Евгений.

– Наша совесть есть и катализатор, и ингибитор одновременно, в зависимости от внешних факторов, от целей, которые мы пытаемся достичь – медленно произнёс Леонид Исаакович. – Один лишь только стыд способен, наверное, разве что уничтожить человека. Надеюсь, что биохимики согласятся со мной. Физиологи же должны согласиться со мной в том, что слишком долго оттенялась роль инстинкта доминирования. Вроде как бы размножайтесь, питайтесь, сохраняйтесь, а мы, элита, будем доминировать. Религия для меня, атеиста, видится колыбельной песенкой бета и фита самцам. Все религии для меня похожи на историю с енотом, который глядел в колодец и сначала был напуган, а затем, улыбнувшись через силу, пришел в восторг. Колодец можно заменить простым зеркалом, может меняться порядок, то есть можно сначала восторгаться, затем прийти в испуг. Но главное в том, что вы первые должны сделать

шаг к Богу, а не наоборот, то есть вы должны прийти к этому самому Колодцу, прийти к этому самому Зеркалу.

Хотя и у нас, атеистов, есть маленькая дилемма: это смерть и болезни. Тебе эти причины мешают стать атеистом, а мне, наоборот, эти причины мешают поверить в Бога. Хотя я, безусловно, ловлю себя на мысли, что советский атеизм с начала 80-х до начала 90-х прошлого столетия – это духовный атеизм. Он абсолютно другой, нежели атеизм 20-х прошлого столетия. Новая философия Советов обнаружила себя, ничем себя не защитив и не защитив народ, как обладателя этой философии. Какой бы религия ни была прекрасной теперь, это посредничество в первую очередь между человеком и государством. Оно не прибавляет свободы, данной вам от Бога, оно зажимает в тиски бета и фита самцов и самок... Плановая же система, где учтено доминирование – это перспективная, на мой взгляд, экономика...

Вечерело. Строение рыбацкого флигеля имело бесчердачную мансардную крышу. В ней было окно из мозаики, состоящее из хаотично составленных стёкол-фигурок разного порядка, размера, цвета. Утром и днём это скромное жилище было украшено солнечными зайчиками разных цветов, форм, а сейчас через некоторые фигурки этого окна можно было видеть первые далёкие звёзды и Луну.

Несмотря на то, что Евгений был очарован беседой, и у него было развито и чувство времени, и чувство меры, он осмелился задать последний вопрос этого вечера.

– Ну а как бы Вы хотели, например, это применить? Ведь, наверняка хотели?

– Мы живём в России, и я замечаю, что любой, самый добрый законопроект способен быть извращённым уже через полгода, год. Я даже начинаю верить в саботаж и умышленное вредительство. Но будь я наделён властью, то я бы начал с реформ в образовании. Во-первых, разъединить обучающихся по половому признаку с юности. Формировать мужские и женские лица. А внутри этих групп усилить состязательность. Изменить отношение к состязательности. Это такая же еда для человека, и некачественная состязательность опасна для жизни. Как бы ни изменилось твоё мировоззрение, я желаю тебе, чтоб оно было направленно на любовь к людям и на ненависть к человеческим порокам.

Евгений любил использовать для обогрева дрова плодовых деревьев и кустарников, но сейчас в печи горели дрова сирени, просушенные около года. Расшвыряв угли, Евгений увидел, что они ещё источают синее пламя. Евгений максимально закрыл задвижку дымохода, оставив лишь малую щель.

– С таким истопником я спокоен – ночью мы не угорим, – сказал Леонид Исаакович. – Спасибо за кофе, Женя. Надеюсь, что хоть некоторые мои слова, если не все, помогут тебе. Вам, новозаветным христианам, можно только позавидовать, так как почти не осталось в Мире такого греха, которого бы Господь вам не простил.

«Ну, и что мне с тобой делать, Рогоз?» – спрашивал себя Евгений. Затем он повернулся к другому щенку по кличке Седой и, обращаясь уже к нему, сказал:

– Ну, и что мы будем делать с твоей названной сестрой?

Рогоз и Седой не были щенками одного помёта, они были щенками разных производителей. Говоря проще, Рогоз и Седой были похожи на чистокровных щенков породы Двортерьер... Но случилось, что именно эти щенки оказались тогда в одной подарочной коробке. Тридцатого декабря, в канун года собаки, в финальные часы работы продуктового гипермаркета, Евгений уже на выходе обратил внимание на скопление зевак. Те разглядывали двух щенков в картонной коробке. Коробка была оформлена по-новогоднему, с мишурой и приданным в виде пачки творога и упаковки молочных сосисок, а также каких-то дорогих детских тряпок на дне.

Евгений осторожно подошёл к женщине с девочкой, и, стараясь изобразить ребёнка, произнёс:

– Мам, ну давай возьмём, хоть одного щенка!

Мама девочки озабоченно повернула голову. Уже потом, вспоминая этот самый разворот головы, как при замедленном просмотре, Евгений понял, что означала озабоченность той женщины. Женщина эта не была зевакой, она была временной владелицей тех щенков. А тогда, она лишь играла роль зеваки.

– Ну, что? – продолжал спрашивать Евгений ту молодую маму заговорщицким голосом. – Хорошо, давайте так, – уже своим голосом продолжал Евгений. – Одного щенка берёте Вы, а другого я... Подходит?

Говоря это, у Евгения в голове проносились эпизоды из его далекого прошлого и совсем недавней жизни. В тех воспоминаниях он видел двух своих четвероногих питомцев. Он вспоминал их по кличкам: Шайба, Пуля. Две суки. Совершенно разные породы, масти, но похожие судьбы. Из свежих воспоминаний Евгений чётко помнил, как он произносил как клятву слова: «Чтоб я ещё когда-нибудь завёл собаку, нет. Нет, этому не бывать».

Но буквально через минуту он произнёс вслух: «Мама, мамочка. Господи, спасибо, что не забрал у меня маму».

Мать Евгения была только что переведена из реанимационного отделения в отделение восстановительной терапии. В её воскрешении Евгений, несомненно, видел руку Творца...

Прошло уже почти десять дней, с момента обретения Евгением двух питомцев. Да, он не смог разлучить друзей и оставить замерзать одного из них. Как ему казалось. И теперь он влюблялся в Седого.

«Позже станет понятно, почему Господь послал мне для моего лечения двух щенков и ещё в придачу разнопородистых и разнополых. Более полезного средства для лечения моей души, похоже, и не сыщешь, – с высокой долей самокритичности думал Евгений. – Конечно, я могу лишь предположить о замысле Творца, а как я буду это отрабатывать, плохо понятно».

– Седой, иди ко мне, мой мальчик любимый, – звал Евгений, одного из щенков, совершенно не обращая внимания на щенка по кличке Рогоз. Евгений был уверен, что пристроит молодую сучку кому-нибудь. И вместе с тем, в том, что он, как временный хозяин, любит только кобеля, испытывал лёгкое неудобство.

– Ну, посмотри, Седой, какая у тебя нелепая сестра. У тебя хоть лапы огромные, а у этой? Нет, ну конечно, в родне у неё была благородная кровь. Да только сплыла. Ну, это что, морда что ли?

Ещё через неделю Евгений убедился, что отношения Евгений-Седой-Рогоз имеют чётко выраженную форму треугольника. Ревность Рогоз к Седому была не просто видна, она бросалась в глаза. Каждый раз, кормя Седого, Евгений видел, как бьётся за место под солнцем Рогоз. Она нисколько не желала уступать в первенстве. Смело лезла мордой в их общую миску до тех пор, пока Седой не стал скалиться и рычать. В эти моменты, Евгений, словно отец, радующийся первым словам своего ребёнка, искренне радовался тявканью Седого, не замечая Рогоз вовсе. Рогоз же болезненно переживала своё отвержение.

Евгений шагал по проселочной дороге. Два раза в неделю он ездил в город к родителям. Его мать шла на поправку, однако отец стал чувствовать себя хуже. Оба родителя Евгения были скорее материалистами и имели невроз по поводу плохого устройства в жизни своего млад-

шего сына, каковым являлся Евгений. Сам же Евгений, не так давно возымевший веру, считал своим долгом всячески обнадёжить родителей и убедить их в обратном. Родители желали своему младшему отпрыску надёжного семейного очага, соответственно, надёжной жены. Евгений говорил, что общается с несколькими женщинами и пытается выбрать умом. Но в действительности у него не было ни претенденток, ни выбора. У него был страх снова ошибиться.

«Не дело это – жить без жены. Нужно её найти. Мы живём в прекрасное время, – думал Евгений. – Уже никто не скрывает своих надежд и желаний. Нужно только уметь слушать собеседника, делать правильные выводы». Главная ошибка Евгения, как он полагал, была в том, что ранее он надеялся, что его избранница со временем изменится, что он благоприятно будет влиять на неё. Теперь он понимал, что вопрос для него будет другой, противоположный: «Готов ли будет он измениться для своей новой возлюбленной?»

Небо затянуло свинцовым панцирем. Но на востоке, там, куда вела просёлочная дорога, в этом панцире зияла малая прореха, в которую столбом светил мощный поток солнечного света. Через некоторое время прореха исчезла. «Опоздал на лифт до неба», – подумал Евгений.

– Шугливый больно щенок-то твой. Ты часом не бьёшь его?

Евгений заметил нового попутчика, поравнявшегося с ним.

– Вроде молодой щенок, господин хороший, в этом дело, – не без опаски ответил Евгений.

Внешность попутчика была самой обычной, даже спокойной, однако в лице его незримо читался ледяной шрам. Евгений был наблюдателен и чувствителен, он понимал, что на душе именно этого попутчика шрамов больше, чем у обычных людей.

– Чего, обиделся? Похоже, что не бьёшь. Тогда чего она зашуганная? Другой кто обидел? – не отставал попутчик.

Евгений молчал.

Но тот не унимался:

– Прости, брат, но ты сам, же видишь, что брак это: и уши не стоят, и морда острая, и болевой порог низкий.

Евгений вспоминал прежнего себя и ему слабо верилось, что когда-то он заводился с полпинка. Теперь трезвая рассудительность брала верх. Стоило бы ему сейчас начать отстаивать свою точку зрения, и он бы проиграл битву духовную. Поэтому Евгений шёл молча. Но через некоторое время поймал себя на мысли, что лицо его угрюмо. Ещё через несколько минут Евгений убедился, что смотрит на попутчика свысока. Это был тот случай из немногих, когда молчание вело к духовной гибели.

– И ты меня прости, брат, – обратился Евгений к попутчику. – Только я не желаю говорить о собаке. Расскажи мне доброго чего о себе. Где плавал?

– Шутишь? Это хорошо. Признак породы, – отозвался попутчик. – А вот обижаться – гнусно по всем статьям. Плавал я дважды. И оба раза правильно...

Евгений желал быстрее дойти до трассы. Он убедился, что попутчик его – "джентльмен удачи". С ними Евгений старался избегать общения.

– А ты знаешь, я книгу пишу. Расскажи мне про своё "плаванье", только по чесноку, – предложил Евгений.

Путь до трассы занимал около часа, а поскольку путники только начали движение, Евгений решил провести это время с пользой. Он считал, что абсолютно все "джентльмены удачи" были недослушаны и недопоняты в своё время. Именно в этом он видел причину всех правонарушений, сотворённых ими.

– Что конкретно? Есть вещи, про которые под пыткой нельзя говорить. Но если это описать, то у людей волосы дыбом встанут.

– Да нет, мне такие тайны не нужны. Расскажи лучше какую-нибудь весёлую историю – про своё детство, про родителей, про первую девчонку.

Сказание это, как и предполагал Евгений, не было весёлым. Евгений слушал рассказ "про детство" без охоты и задавался вопросом, где были взрослые, чем так сильно они были заняты? Но почти сразу осёкся, вспомнил об осуждении и невольно произнёс вслух: «Господи, помилуй!»

Джентльмен же удачи, продолжавший рассказ, был уверен, что эти слова имеют отношение к его истории и возразил: «Да нет, кошка та жива осталась, только перепугалась».

Евгений верил во многое, а также в причинно-следственные связи. Накануне он ударил провинившегося Седого. Удар оказался сильнее, чем рассчитывал Евгений. Седой не пришёл на ужин и теперь Евгений испытывал сильное угнетение от чувства вины. «А ведь я тоже преступник, но настоящий, я преступил черту. А что если Седой не вернётся?»

Рогоз семенила меж двух попутчиков. Евгений клялся себе, что вернётся Седой или нет, Рогоз останется с ним навсегда. Меж тем путники благополучно дошли до трассы. Автобус до города пришёл вовремя. Они сели на разные места и оба задремали.

– Путь осознания не сиюминутный. Я не верю людям, которые утверждают: «Я всё понял. Я всё осознала». Эти процессы можно сравнить с помощью английского языка. Вспомните, как они говорят "Я осознал", "Я осознаю" и "Я буду осознавать". Но кроме этого они также говорят: "Я являюсь осознающим". И этот процесс постоянен. Завтра мы переосмыслим сегодняшнее осознание. Так же и с твоим покаянием.

– Перейдём на "ты"? – деликатно спросила психолог.

Евгений одобрительно кивнул.

Он помнил слова апостола Павла, который в одном из Соборных Посланий предупреждал брачующихся о скорбях. Он знал, что эти бремена тяжелы. Знал, что ему нужно терпеть, крепко сжав губы. Знал, что в конце любой скорби Господь непременно посылает утешение. Но на деле душа не находила места. Пять лет назад у него умер друг Иван, с которым он делился и радостями, и печалью, и вне зависимости от оценки друга Евгений всегда после разговора с ним испытывал утешение. Теперь, после череды обращений к "бабкам" и "ведуньям", Евгений смотрел на психолога заворожено, словно ждал чуда. Он желал обрести в психологе такого же понимающего друга, каковым был Иван.

Лариса, так звали психолога, продолжала:

– Можно осознать и без покаяния, можно превратиться в вечно кающегося и можно даже перекаяться, по-доброму что ли. Понимаешь? А затем сказать себе: «Я являюсь продолжающим жизнь». Я влезла в ваше с Полиной, прости, "болото" не ради любопытства и, конечно же, не для того, чтоб найти виноватого. Тебе нужно было выговориться... Поверь, уже через год эта история может звучать иначе. Настройся на добрый, дружественный лад.

Я имела общение с абсолютно разными людьми. И также с христианами. Одни из них утверждали, что главное в том, чтоб не есть людей. И вначале поев морковки и колбаски, далее они приступали кусать себе подобных. Многие из них не пьют и не курят, но не могут простить пьяного брата или курящего отца. Правилom хорошего тона у них является кинуть камень, обзвать или ударить заблудшего. Свою слабость они нежно называют немощью. К чужой немощи они относятся с презрением. Им не чужда брезгливость... Религия лицемеров и ханжей? Совсем нет. Они правы – Христос пришёл не к здоровым, а к больным. И с больными можно вести себя по-разному. Как доктору, не обижаться, а лучше самому научиться прощать. Твоя Полина умеет прощать, но делает это выборочно, и тебя это, похоже, не коснется. Кто вы, христианин? Возможно, "непрощенцы", так хочется мне вас иногда называть, но останавливаю себя, так как я не лучше, поверь.

Холодный душ, прыжок с парашютом, ночь на кладбище, погружение с аквалангом и т.д. и т.п. Вот малый перечень того, с чем иногда сравнивают первое свидание. Слышал про это, как про новый вид зависимости, хотя само явление, наверное, старо как жизнь.

Так и Евгений бежал на то свидание с Мариной, чтоб не умереть. Не бежал, а летел. Летел и трясся, но не от холода, хотя к вечеру было зябко, доходило до минус двадцати градусов. Он предложил Марине самой выбрать заведение и она ответила, что знает уютное молодёжное кафе под названием "Сытый Ваня". Тот с радостью согласился и, желая быть при встрече увереннее, приехал в "Сытый Ваня" раньше на пол часа. Евгений сел за первый же столик, затем за другой, за третий, ещё немного погодя, дождавшись, пока молодая пара уйдёт, он сел на их место и понял, что удовлетворён выбором.

Он мысленно встречал Марину, усаживал её, снова встречал, снова усаживал. Потом поняв, что рядом нет вешалки, уволок её от других столов. Теперь он встречал Марину, раздевал, усаживал. Сердце стучало чаще привычного. «Что это?» – спрашивал себя Евгений. Воровство в чужом огороде сладкой ягодки? Мечь бывшей жене? Пакость незнакомому мужику? Нет! Дело пахло реанимацией. Евгений знал, что ещё недели две без любовных переживаний, и его сердце откажется стучать. Аморальное оправдание аморальным поступкам? Поймёт лишь тот, кто это знает; тот поймёт, кто пережил.

Внезапно раздумывания прервало сообщение от Марины. Она написала, что опоздает на сорок минут.

Евгений стал крутить «Карту блюд и напитков». Марина говорила, что не любит колбасу, а любит грибы. Евгений попросил официанта к назначенному времени подать пирог с четырьмя сырами для себя и другой, с грибами – для Марины. Поскольку Евгений не знал о предпочтениях Марины в напитках, он заказал для неё зелёный чай. «Все женщины мечтают похудеть», – подумал Евгений и поэтому считал зелёный чай беспроегрешным вариантом.

У него было сорок минут, чтобы привести в порядок мысли и разобраться с эмоциями.

«Возможно, это мизерное свободное время дано мне, чтоб понять или хоть попытаться понять причину бед, несчастий. Или же я должен благодарить Творца за всё?» – спрашивал себя Евгений. Полина, его вторая жена, ушла от него год назад. «Ушла, разбив сердце», – думал Евгений. Возможно, так он считал потому, что Полина лишила его общения с ребёнком. И теперь, немного окрепнув, Евгений боялся повторения той боли. Самоуверенность Евгения стала причиной начала той беды. Вступая во второй брак, Евгений был уверен, что сделал достаточно выводов из всех предыдущих отношений. Ему казалось, что он был готов ко всему. Но и второй брак рассыпался так же, как и первый. Теперь он уже не винил своих женщин ни в похоти, ни в любви к комфорту и деньгам. Он был уверен, что причиной его любовного фиаско является его личная непорядочность, неаккуратность. Теперь, когда у него было свободных сорок минут, он достал блокнот и стал делать конспект под названием "Порядочность".

«Существует множество инструментов, достойных оценки, внимания, даже восхищения, – писал Евгений. – Однако для меня роковую роль сыграл лишь один инструмент – самая простая шариковая ручка. В суровые, трудные моменты моей жизни шариковая ручка становилась кувалдой, домкратом, отбойным молотком, иногда даже камертоном. Как и все инструменты, ручка должна лежать на своём месте, писчая бумага – на своём. А я? Где моё место у Бога?.. Нужно избавляться от лишних вещей, как от балласта, а тем немногим уцелевшим вещам нужно будет чётко определить место, и эти места подписать. Порядок в быту должен будет расставить по местам хоть некоторые вещи в душе. Вытеснять злое добром! Вселенная стремится к хаосу, а я встану против этого движения, как рыба против течения. Как бизнесмен, я заведу ежедневник и распишу распорядок дня, намечу необходимые шаги. Включу *туда* обязательные похвалы Богу, и так, глядишь, на худое не останется и времени».

Конспект оборвался на мыслях о Седом.

«Где же Седой? Почему не приходит? Жив? Господи, прости меня. Всё равно, где и с кем, лишь бы Седой был жив...» – мирился с безвозвратной пропажей Евгений. Дома, на морозе, оставалась маленькая Рогоз и, когда Марина всё-таки пришла, Евгений стал извиняться и отпрашиваться у неё:

– Понимаете, она ещё очень маленькая. Возьмите денег, здесь хватит расплатиться за нас двоих.

– Нет, нет, я Вас никуда не отпускаю, – зацепившись глазами за глаза говорила Марина. – Мне почему-то кажется, что я слишком долго ждала именно Вас. А милой собачке я куплю корм. Будка у неё есть?

– Да, с вольером.

– Вот и прекрасно.

– Представьте, что я – добрая фея. Говори, – вдруг на "ты" перешла Марина, – что тебя волнует и чего тебе хочется?

– Я потерял одну собаку, у меня мама поправляется после инсульта. И мне срочно нужна жена.

– И печально и здорово... Я на роль жены гожусь?

Евгений смотрел на очаровательное создание перед собой и не понимал, что происходит. Ещё вчера он чатился с Мариной в Сети, а сегодня она живая, настоящая делает ему предложение. Он не успел отойти от её образа, от того, как красиво и легко она вошла в двери кафе. И сейчас, смотря на её лицо, он видел лишь совершенные черты.

Спрашивал себя: «Что это? Я под гипнозом? Или это гормоны играют?». И, не желая показаться размазнёй, но всё-таки без наглости Евгений твёрдо ответил: «Конечно».

– Мою почту, ты знаешь, телефон тоже – пиши, звони. Я не шучу. Ты мне нужен... Я не знаю, как это объяснить...

Выйдя из кафе, Евгений почти бежал, он торопился к вдруг ставшей ему очень родной Рогоз.

Марина позвала Евгения жить к себе в дом в Соседск. Дом тот не был полностью её, на третью часть он принадлежал покойному, погибшему мужу Марины. С её слов, муж сначала убежал, боясь сельской жизни. Убежал к более молодой, более свободной, и оставил Марину с двумя сыновьями. Помогать он тогда не стал, сказал, что она обязательно встретит возлюбленного, который станет заботиться о ней и обоих мальчиках. А год назад он погиб от наезда на него маршрутного такси.

Евгений сделал некоторые выводы из этой сухой информации. Не обвинял Артемия, так как сам жил без дочери; не считал Артемия мерзавцем, так как знал, что Марина также виновна в разрыве отношений. Евгений не стал клеветать больное место и расспрашивать о выводах, которые сделала сама Марина из её совместной жизни с Артемием. «Наверняка сделала, – думал Евгений. – Лишь бы правильные». Евгений был осторожен. Может, поэтому настаивал на регистрации отношений. Марина же верила Евгению, как себе, поэтому регистрация отношений ей была не нужна вовсе.

– Как же мы пред Богом отчитаемся? – спрашивали себя, и Марину Евгений.

– Бойся не Бога, бойся молвы людской, так как Господь милосердный, а люди беспощадны и жестоки, – ответила Марина. Этими словами она одновременно и обезоружила Евгения, и напрягла его. Он остался потрясённым от услышанного, но был уверен, что Всевышний спрашивает не с жён, а с мужей.

Любовный ком накрыл обоих с головой. И Евгений, и Марина каждый благодарили Создателя за посланного им спутника. Они угадывали мысли друг друга. Видели и находили точки соприкосновения почти во всём. Это было похоже на затянувшееся медовое полугодие. С небольшой разницей – Евгений испытывал чувство вины за сожителство без регистрации. Марина не испытывала и малейшего чувства вины, потому как была впервые счастлива и не желала ничего менять.

Евгений устраивался на различные работы, не требующие квалификации. Он находил работы с графиком не более четырёх часов в день. Таким образом, у него появилось время для своего любимого занятия. Он вернулся к писанию.

Новой повести ещё не было, но уже были отдельные кусочки фраз, диалогов в голове, неких художественных эскизов на отрывках бумаг разного формата, написанных в разное время, разными чернилами, и по-разному сохранившихся. На одних таких листах были пятна от жирной пищи, на других следы от горячей кружки, третьи были достаточно замусолены, но все одинаково расправлены, по-разному надписаны красной ручкой и аккуратно сложены в одну новенькую, прозрачную папочку с надписью «Камыш». Эта папочка лежала у Евгения на подоконнике у изголовья кровати. Сам он лежа, запрокинув голову смотрел на эту папочку взвешивая её и переводя на печатные и литературные страницы. «Жидковата затычка, маловат камушек краеугольный». Евгений сел на край кровати. Чуть дальше лежал его ежедневник. Погуляв пальцами по тоненькому ежедневнику, он вырвал ещё около десяти страниц из него, положил в папочку. «Жидковатый краеугольничик»: подумал он. Затем вспомнил про диктофон. Найдя его в письменном столе, он выгрузил все звуковые файлы на рабочий стол компьютера. Удалив несколько гигабайт не нужной информации, он получил звуковую папочку в несколько мегабайт. Этот звук предстояло трансформировать в текст. Эту папку со звуком он назвал «Рогоз. Звук».

Именно этому сору, именно этим двум папкам, предстояло переродиться в единую информационную массу. Необходимо было время для разработки и принятия структуры произведения и, конечно же, в первую очередь, для определения сюжетной линии всего произведения.

В Соседске Евгений стал больше гулять с собакой. Это было золотым временем для Рогоз. «Нужно изменить имя собаке», – думал Евгений. Он всегда восхищался умению жокеев, точно дававших клички лошадям. Клички в одном слове несли информацию о владельце этой самой клички. Хотя нередко клички были unsuccessfulными, немymi. Самыми неудачными Евгений считал клички, которые отражали масть лошади, типа Белый, Черный. Как минимум, эти клички указывали о незаинтересованности хозяина и как максимум о полном равнодушии к питомцу. Затем шли клички красивые, но ни коим образом не несущие информации о владельце клички и часто просто коммерческие, типа Радуга, Стрела. Самыми же удачными кличками Евгений считал те клички, которые подмечали или вовсе указывали основное в характере, типа Гамлет, Поэтесса. Евгений знал, и Гамлета, и Поэтессу. Гамлет был непредсказуемым – мог на скачках прийти как первым, так и последним. И, наверное, более справедливо было бы назвать его Джокером – им он и был в течение первых трех месяцев своей спортивной карьеры, пока конюхи не разглядели в скакуне более тонкую душевную организацию. Они же и подсказали хозяину лошади изменить кличку питомца.

Другая лошадь, Поэтесса, стихов не писала, но действительно была более других задумчива, робка и неуверенна.

Когда Евгения теперь спрашивали про кличку собаки, он отвечал, что собаку зовут Дозор

– Расскажи мне про своих любимых женщин, про бывших жён, Ольгу, Полину, – попросила Марина.

Евгений молча смотрел в утреннее, вдруг потемневшее октябрьское окно, словно пытаясь увидеть там долгожданное.

– Ты мне ничего про них не рассказывал, – как бы оправдывая своё любопытство, добавила через время Марина.

– Дождь всё-таки, похоже, будет, – и через короткую паузу Евгений начал свой рассказ. – Очевидно, что Поленька отзеркаливала мои худшие эмоции, мои не самые лучшие настроения, мои худшие желания. И в этом виноват только я...

Потом была чередa тяжёлых моментов. И я сдался.

– А знаешь, мне мама никогда не говорила про плохого отца, однако он трус и предатель, – постаралась заполнить долгую паузу Марина.

– Я не оправдываюсь. Я струсил и стал как оговаривать себя, так и припоминать худшее о себе. Это происходило неосознанно. Тот я, рассчитывал, что так Поле будет легче меня разлюбить, оттолкнуть и оставить. Эту глупую модель поведения я использовал и раньше несколько раз, а добившись желаемого, рыдал от расставания и одиночества. Возможно, и тебе я это рассказываю, чтоб ты была готова. И когда вдруг угадаешь какие-нибудь из этих подлых нот в моём поведении, будь готова... Не верь мне. Я хочу, чтоб ты знала, как сильно я люблю тебя. Люблю, как только могу, на полную катушку... Поверь, я не умею чуть-чуть любить, и тех женщин до тебя я любил на полную. В какие-то моменты мне становилось страшно, и я начинал учить своих партнёрш жизни, возможно предчувствуя беду. Я говорил им, как нужно преодолевать временные трудности, но сам рушился с грохотом.

– А Ольга, твоя первая жена, хороший она была человек?

Евгений слегка занервничал. Ольга принесла ему много неприятностей, он даже называл её фугасом. Но теперь ему становилось всё очевиднее, что с Ольгой не только можно было жить, с ней необходимо было сохранять отношения любой ценой.

– Может я повторюсь, но скажу ещё раз, – начал Евгений, – мне очень везло на попутчиков судьбы. Без преувеличения скажу, что Ольге я обязан тем, что теперь имею, пусть крохотную, но веру. Однажды она всучила мне в руки Библию, как бесу крест всучила. Я прочёл тогда вслух пару стихов, не помню, из какой главы, какой книги, закрыл Библию и сказал типа: «Что за пень? Непонятно же ничего. Ты сама-то поняла хоть что-то?». «Я поняла, что ты умеешь читать «вслух», – ответила она.

«Смешно. Очень» – заключил я, насупившись.

Тогда я действительно читал книги вслух, разрабатывая дикцию, так как моя речь была сухой, скудной. А Ольга, похоже, мягко сказать, была от этого не в восторге. Она принадлежала к аристократам, сама того не понимая. Её родители были интеллигентами: дед был партийным боссом, мать учителем, отец художником. Она была аристократкой в третьем поколении. И, если её что-то корбило, она называла то плебейством. Тогда я думал про неё и предполагал, что у аристократов тоже существует генетический сбой. У Ольги были ярко выражены негативные проявления аристократизма... Но об этих чертах Евгений умолчал. Он не рассказал, что Ольга избегала ручного труда, была склонна к авантюрам, имела пристрастие к спиртному, к мужчинам.

– Она имела положительные качества представительницы аристократии, такие как патриотизм, любовь к искусству и литературе; она была выше любви к вещам. Духовное боролось в ней с зольной чёрствостью и периодами брало верх.

Однажды после того, как я вновь её обидел, она заявила, что мужики в России не способны на простую, бескорыстную любовь. Я ответил ей зло, что не нужно обобщать, а нужно лучше поискать. Тот день был началом её новых поисков. Мне это здорово досаждало, а Ольге это доставляло удовольствие. Она как будто приучала меня к сменному режиму. Я пару раз пытался отомстить ей, домогаясь её подружек, но поняв, что это путь в никуда, я решил разорвать отношения с Ольгой раз и навсегда. Тогда я и придумал, что у меня есть мужчина, которого я люблю. Она пропала и исчезла для меня раз и навсегда. Я радовался своей хитрой уловке, до конца не понимая всей трагедии и будущих тяжёлых для меня последствий. Ольга действительно мне поверила, но к большой печали, она рассказала об этом нашему сыну. Ложь, возведённая в квадрат и разделённая на мою глупость — вот что это было...

Я не был знаком с друзьями её матери, но мне посчастливилось познакомиться с друзьями её отца, уже после его смерти. Общаясь с ними, я окунулся в атмосферу, которой дышал мой первый тесть Иосиф. Помню, в один вечер мне довелось познакомиться с четырьмя художниками, его коллегами по цеху. Я испытал чувство, которое испытывает путешественник, за один день побывавший в четырёх странах. Один из них показался мне откровенным ремесленником, подходящим к образованию цен своих картин по рыночному. Он складывал стоимость холста, красок, не забывал про стоимость кистей. Само собой, учитывал отчисления за арендную плату и электричество. Прибавлял к этому плату за свой труд. Его он считал из количества часов, проведённых за работой. Второй был крайне странно счастлив для художника. Он нашёл свою технику на основе линогравюры и акварели. Имея несколько клише, он штамповал свои собственные изодоллары. Третий был крайне беспечен. Жил одним днём. Творил раз в полгода, продавал уже ожидающим заказчикам без торга, раздавал долги и остальные полгода жил, перебиваясь с хлеба на воду, накапливая вдохновение. Четвёртый был самым обыкновенным гением. Послушав мои отзывы о картинах, он пригласил меня в свою мастерскую, которая находилась в подвале соседнего дома. Мы долго шли по какому-то жуткому коридору, затем увидел и такую же жуткую дверь. Жуткая мастерская, тёмная, сырая. «Паучье логово», — тогда подумал я. Мольберт в середине комнаты. На нём картина под жуткой мешковиной. Художник бережно снял эту жуткую тряпку, а там...

– Ты плачешь? – спросила Марина. Евгений глубоко дышал, погружённый в воспоминания. Его знали, как волевого, так и эмоционального человека, но он мог позволить не сдерживать себя даже перед женщинами и детьми.

– Там берёзы в апреле. Понимаешь? Тот четвёртый художник показал свою картину глазами птицы, — и немного успокоившись, добавил. — Я тогда сразу не врубился в ту картину. Искал погрешности в передаче. Я всегда искал резкости, тогда — подсознательно, теперь — осознанно, но не в картинах, в фотографиях. Погрешностей же в той картине было очень много и не только в резкости. Погрешности были в цветопередаче. Нужно было что-то сказать, а я не мог. Не мог потому, что взгляд мой прилип к той картине... Художник ждал. Я смотрел на картину, как смотрят телевизор. Я искал в картине то, что задержало мое внимание на ней. Художник встал за мольберт и смотрел на меня. Мы оба смотрели изучающе: я смотрел на картину, художник — на меня. Я чувствовал тот взгляд художника и продолжал «разгадывать ребус». Через какое-то время я стал догадываться, что это было. Теперь точно знаю — это был искусно показанный свет. Там в мастерской — одно узкое, горизонтальное окошечко; слякоть на улице, дождь... А из картины столбом пёр чистый, тёплый, белый свет, наполненный энергией солнца. Того солнца, которого нет «на» картине, но того солнца, которое «в» ней. Свет, наполненный симфонией солнечного апрельского дня с несколькими партиями и в безупречном исполнении... В тот вечер именно эта картина не просто запомнилась мне, она перетряхнула моё сознание, но я не нашёл тогда добрых слов для бедняги-художника. А они так были ему нужны. Кто я после этого?

Евгений минут десять приходил в себя после этого рассказа. Огорчённый донельзя, он корил себя. Он не стал говорить Марине, что тот художник умер через два года молодым и в полной нищете. Его нашли в его коморке. Соседи стали жаловаться на трупный запах. Вердикт патологоанатома — отравление техническим спиртом.

Знай Марина об этом, она бы не стала больше расспрашивать Евгения ни о чем, но ей было любопытно, и она продолжала расспросы.

– А Дамира? Она какая?

– С ней единственной я был счастлив, – произнес уже окончательно успокоившийся Евгений. – И счастья я своего не заметил. Если ты ищешь к кому бы поревновать, то советую остановиться на Дамире. Эта будет самая энергоёмкая и вместе с тем напрасная ревность, так как Дамира не входит в одну реку дважды...

– Ревнуешь? – спросил Евгений Марину. – Не хмурься, Дамира чётко обозначила границы между нами. В те времена, – продолжил Евгений рассказ о прошлом, – мне жутко не хватало общения с сыном. Я очень переживал, я настаивал на рождении общего ребенка. Возраст же деторождения Дамиры иссяк. И тогда я обратился к целительнице, которая диагностировала у меня приворот, совершённый Дамирой бессознательно, и провела нейтрализующий обряд. Я признался в этом Дамире. И в очередной раз был потрясен мудростью той женщины. Она сказала мне: «Ты готов полюбить то, чего не знаешь, а то, что имеешь не бережешь... Уходи». И я ушел навсегда...

– Женя, скажи мне, что мы никогда не расстанемся.

И чуть позже не получив ответа, очень аккуратно произнесла:

– Интересно, как ты будешь отзываться обо мне?

– Всё просто – покойная имела неосторожное любопытство.

– Болван. Мне иногда кажется, если бы не твои плоские шутки, то ты был бы идеальным...

– Прости меня, моя родная. Семейная жизнь – это самая тяжёлая работа, это общение по горизонтали, где нет подчинённых и начальников. Часто люди вступают в брак с разными физическими, моральными, духовными потенциалами, которые невозможно оценить. Как правило, встречи людей неслучайны. Господь соединяет всех нас, дополняя друг другом, но очень часто, особенно молодые люди, не осознавая этого, предъявляют своим партнёрам лишь необоснованные претензии. Я вижу наши с тобой несовершенства, и это уже хорошо. Я вижу также своё спасение в семейной жизни. И я обязательно стану совершенным семьянином. Будешь ли ты со мной, это во многом зависит от твоего желания.

На некоторое время воцарилась тишина. В воздухе вокруг, как облака, кружили энергетические поля разного заряда. Пахло покаянием, перерождением, состраданием, пахло любовью.

– Когда ты уже напишешь хоть одно произведение до конца? Тебе не кажется, что ты тянешь резину, как будто у тебя несколько жизней и сто лет в запасе? Хватит бояться славы. В конце концов, ты обязан оставить после себя след. Ты талантлив. Не будь Буратино. Помнишь, как ты писал в стихах своей Полине: "Будешь гореть"? Ты не горишь, не долготерпишь. Ты тлеешь, и это расточительное, халатное тление.

– Спасибо тебе, Маришка, огромное спасибо за веру. Для меня важно твоё плечо. За грибами хочу сходить, вдохновения наберусь, а ночью буду писать.

– Ладно, – произнесла Марина, смягчившись. – Только сначала крепко прижми меня к себе.

Утром следующего дня Евгений отправился за грибами. Он взял ведро с полторалитровой пластиковой бутылкой. Он вспоминал рассказ про легендарного Калашникова. Тот брал лишь те грибы, которые протискивались в бутылочное горлышко.

Погода стояла прохладная, и несмотря на высокую влажность грибы не торопились расти. Грибников не было видно, однако следов любителей тихой охоты было предостаточно. Молоденьких грибов было немного, и даже из этой малости треть была червива. Помимо маслят, для которых он взял бутылку, Евгений любил сыроежки и опята. Каждый раз, видя, что грибники топчут сыроежки, он ругал их слонами-невеждами. Когда же он наткнулся на срезы грибов, заботливо закрывал их землёй и пожухлой листвой.

«Принять себя такими, какие мы есть, может только земля и мы сами, – так звучит фольклор, так думал и Евгений. – Жить без денег лишь сначала невыносимо. Затем начинаешь привыкать, и ещё чуть позже это становится обычно-тяжело. И совсем непривычно тяжело жить со своими грехами. С теми из них, которые случаются почти ежедневно». Отсутствие денег деморализовывало Евгения. Уже потом он будет различать финансовый достаток и любовь Божью как чёрное и белое.

Собрав половину ведра зелёных и красных сыроежек, а также полную бутылку маслят, Евгений поторопился домой. Однако, как замороженный, он останавливался у каждой сосны и слушал, как иголки сосен разрезают ветер. Эти звуки были нужны ему не меньше, чем сами грибы. Он желал послушаться этой песни. Идя в направлении дома, он останавливался возле каждой сосны и слушал эти звуки, как слушают на повторе любимый трек.

Евгений возвращался к вопросу об общем с Мариной знаменателе. Он надеялся, что желает возможного. Он представлял ветхозаветного Ноя, который был один с этим знаменателем. Евгению стало больно от собственной греховности и беспомощности. Тогда он, как и Ной, боролся с грехами в одиночку, вот только в отличие от Ноя боролся с меньшей верой, надеждой и любовью.

Марина встретила Евгения в дверях.

– Тихий охотник? О-о-о! Ингредиенты для жульена? Вас ожидает ужин и социальный лифт... А до тех пор, пока ты не закончишь, я буду звать тебя – Гамлет. Будешь долго собираться – в некрологе может появиться запись: «Он слишком долго собирался».

После ужина уже без пафоса Марина добавила:

– Я заварила тебе чай в термосе. Иди и пиши. И прости, близости пока не будет. А ещё я подумала, что роль жены известного писателя мне подойдёт. Иди и гори, Гамлет.

Евгений панически боялся одиночества. Но не только его одного. Он был свободолюбив, и всякие попытки заставить его сделать что-то, лишали его этой свободы. Евгений знал о гордости достаточно, но если другие грехи тяготили его душу, и он пытался изменить себя, то грех гордости ничуть не смущал Евгения. Наоборот, он относился к личной гордости, как к ордену за мужество. Ему казалось, что молодая, успешная архитектор Марина неспроста надавливает на него. Видел в этом вендетту. Марина, как ему казалось, хочет доказать матери, своей сводной сестре и бывшему мужу, что она живёт не с неудачником, а с успешным писателем. А значит, и она успешна. Это виделось Евгению самой обычной мстостью Марины за их нелюбовь к ней. Он был уверен, что потом (после этого доказательства) он уже будет Марине не нужен.

Марина же с каждым днём топила лёд в душе Евгения. Он чувствовал это тепло, но сопротивлялся ему. Он стал больше доверять Марине, но ему не становилось от этого легче. Та известность, которую Марина хотела для него, могла погубить его любимую Полину. Он спрашивал себя: «Почему же Полина не поверила мне так, как верит в меня Марина?» Он давал себе слово, что если он когда-нибудь разбогатеет на поприще писателя, то половину заработанного отдаст Полине.

Усмирив на время в своей голове волков и овец, Евгений взял термос и отправился в "Роддом", так он называл свой кабинет.

Утром во время завтрака Марина заговорила первая:

– Я знаю, чего ты хочешь и о чём тоскуешь. Об утерянном или, правильнее сказать, о недостижимом для тебя аристократизме. Так вот, я люблю тебя, и мне всё равно, захочешь ты взять меня в жёны или нет. На время я стану твоим персональным лифтьёром. Возможно, ты ищешь среди нас, женщин, возможность для себя социальной адаптации. Мне же хочется, чтоб ты поверил в себя. Позже ты поднимешься сам и сделаешь счастливыми многих вокруг себя.

Евгению было приятно это слышать. Он верил, что это не пустая лесть, и, не показывая восторга, сказал:

– Спасибо тебе, милая Марина.

Прошёл ещё один месяц, казалось, безмятежной, безоблачной жизни Евгения в Соседске. Пару раз он звонил Полине в Домск, желая увидеться с ребёнком, но получал жёсткие отказы и обвинения в безответственности. Он держал эти разговоры в тайне от Марины, но его не оставляло ощущение, будто его ограбили. Евгений пытался вспомнить, кому в жизни он сотворил нечаянное или умышленное зло, так как видел в том, что с ним происходило, расплату.

«Я способен принять сей "щедрый дар" от Бога и значит должен безропотно пользоваться этой способностью прежде всего для того, чтобы жёсткая "педагогика" Полины не обернулась когда-нибудь против неё самой», – размышлял Евгений.

Вечером, после ужина, Евгений сказал, обращаясь к Марине:

– Дорогая, я придумал слоган к своей повести.

– Какой, если не секрет?

– To be or to be. It is not a question.

– Здорово... Но теперь ты перестанешь быть Гамлетом.

– Не хочу быть Гамлетом, хочу твоим быть Омлетом... Я предлагаю нам сегодня попутешествовать в себя.

– Психология? Я только за. Ты же знаешь, как я это люблю. О чём будем говорить?

– Поговорим об установках, если ты не против. Пока Иаков ещё не пришел, у нас есть пол часа точно. Займи чем-нибудь малыша. Включи ему новые мультики, а сами мы займёмся психологией.

Уже через несколько минут оба "психолога" сидели на кухне друг против друга с горящими глазами.

– Итак, – начал Евгений беседу, – напиши одно или два самых мощных своих убеждения в пословицах, поговорках, афоризмах. На это пять минут. Время пошло.

– Без труда не вынешь рыбки из пруда. От любви любви не ищут.

– Отлично! Этого для примера вполне хватит. Трансформируй смысл первой пословицы на иной, возможно, противоположный. По-прежнему пять минут. Можно несколько вариантов. Время пошло.

Евгений рассматривал Марину с любовью и думал: «Должна же Марина вынести из наших отношений доброе». И вслух спросил:

– Готово?

– Да, готово. «Только без труда вынешь рыбку из пруда». И следующая: «Вынешь рыбку из пруда, отказавшись от труда». Ой... А что это?

– Это великий русский язык не для всех. Ручной труд облагораживает душу, но с зарабатыванием ничего общего не имеет. Это моё убеждение.

– Ищут любви до любви. И... До любви– любви не ищут. Что это, Жень?

– Умница! Смотри сама, ты сейчас сваяла две пословицы с глубокой философией, разве нет?

Результат обрадовал Евгения.

– Ты делала это раньше?

– Нет.

– Теперь тебе нужно выбрать по одной пословице, поговорке из вариантов в качестве путеводной звезды, отказавшись от другой, как от ложной. Время пошло.

Марина что-то рассказывала, а Евгений позволил себе некоторое время не слушать её. Он любовался её красотой.

– Правильно? Ты слушаешь меня? – вдруг спросила Марина.

– Правильно всё. Молодец. А о том, что это было, мы поговорим с тобой завтра, мне интересна твоя точка зрения.

Евгений не слышал Марину, которая тарахтела без устали. Она находилась под хорошим впечатлением от мини-урока... Исповедь. Мысли об искренней исповеди занимали голову Евгения.

– Порадуйся за меня. Ты чего хмурый? Я сделала что-то не так?

Евгений ответственно натянул на себя улыбку.

– Ты молодец. А у меня сегодня тоже успех. Мне кажется, я здорово сыграл в "продолжайку".

– Это ещё как?

– Нужно продолжить какую-нибудь поговорку. Помнишь старое изречение: «Если не повезло с женой, то есть вероятность стать философом»?

– Что-то припоминаю.

– Есть вариант продолжения: «Если не повезёт со второй, станешь политиком». И даже третий: «Если не повезёт с третьей, станешь писателем».

– Весело. Женька, ты такой умничка. Знаешь, а на этом тоже можно жить. А расскажи мне, как спец по убеждениям, о своём личном убеждении про убеждения.

Похоже на абракадабру про Греку, ехавшего через реку, – сказал Евгений, улыбнувшись вначале, но поняв серьёзность вопроса, стал сосредоточенно отвечать по сути. – Я убеждён, что абсолютно всё человечество незримо поделено на два лагеря. В первом лагере люди убеждены, что благодаря мыслям и аффирмациям возможно двигать стены, сшивать не сшиваемое и тому подобное. А в другом люди убеждены, что необходимо принимать все уроки Вселенной, как педагогический опыт. И в том, и другом лагерях есть атеисты и верующие. Люди переходят из одного лагеря в другой, потом обратно, но, на мой взгляд, невозможно быть сразу в обоих. Мне комфортно быть убеждённым в этом, так как это многое мне объясняет.

– Никогда об этом не думала, интересно. А расскажи о теме в психологии, которая, на твой взгляд, достойна внимания.

– Таких тем очень много. Почти все они тесно переплетены с библейской тематикой. Например, эгоизм. Самолюбование, нарциссизм – это неотъемлемые части гордости. Сладкий, пьянящий порок с нежным названием. Денница был поражён именно этим недугом. Ангел, отпавший от войска Христова и навсегда поступивший на службу к Дьяволу. Я пишу Сатана, Дьявол, Денница с большой буквы, так как своих врагов необходимо уважать и лишь одна недооценка этих хитрецов с многотысячным опытом способна сокрушить самонадеянных...

Ещё могу поделиться личным опытом по убеждениям, связанным с вопросами. Часто люди недоумевают: ну почему же так? Как же ты мог? Когда же это закончится? И так далее... Так вот я убеждён, что недоумевание это грех, это осуждение. Рано или поздно Боженька оставит недоумевающего с его вопросом один на один. И меня это учит тому, что не нужно недоумевать, так как вопрос должен быть другим. Иначе это самый настоящий ропот на Творца.

И раз уж я заговорил про Творца, то скажу, что для меня остаются закрытыми простые вопросы. Например, я до сих пор плаваю в вопросе Творца и тварного. Что есть творение? Что есть Дух Святой?

Некоторое время любимые сидели молча. Затем Евгений, меняя разговор, обратился к Марине уже с другой, более плавной и неделовой интонацией:

– Мариша, сегодня, когда ты была в солнцезащитных очках, я разглядывал тебя, не понимая, что с тобой не так. И понял. Твой правильный носик, которым я всегда восторгался, сегодня был совсем простым. Сейчас я понял, что без красоты, выразительности твоих глаз твой носик бледнеет. Ой, ой, что это я говорю? Теперь я скажу тоже самое в позитивном ключе: с красотой и выразительностью твоих глаз твой носик становится ярче... То, что я сейчас сказал – это чистая правда, а вообще, это тема другого урока: Искусство обольщения, двойной комплимент.

– Я тоже тебе признаюсь: помнишь наше первое свидание? Я была поражена твоим волевым взглядом. Тогда я не знала, сколько тепла мне подарит твой хулиганский нос в паре с твоей улыбкой. А после первой нашей близости меня трясло, я ждала, что ты меня сейчас унёшь. Было ощущение, что я переспала с серийным маньяком. Зря смеёшься, это сейчас я к тебе привыкла и жить без тебя не хочу, а тогда твои манеры в близости меня очень напугали.

– После обмена комплиментами можно обменяться и гормонами.

– О, да. Ты хулиган, которого я уже не боюсь, а желаю и крепко люблю.

Евгений предполагал, что одного благословения для написания повести ему будет недостаточно. Он имел в друзьях священника. Познакомился с ним Евгений при неприятных обстоятельствах. Тогда они даже разговаривали очень натянуто и уж конечно не могли и предположить, что когда-нибудь станут друзьями.

Теперь, в воскресенье, Евгений не был допущен ко Причастию по основной причине осрамления брака Церкви. Несмотря на то, что Евгений был официально разведён, он по-прежнему был соединён с Полиной браком Церкви, и духовник наотрез отказался причащать Евгения, сказав сурово: «Не в коня корм».

Евгений нисколько не обижался; наоборот, он даже был рад этой причине, которая должна была быть основой к распутыванию настолько крепко затянувшегося узла греха.

Между тем духовник успел полюбить Евгения за два года общения и несмотря на то, что в округе он слыл мудрым и находчивым на слова, понимал, что Евгению необходим больший аргумент, чем он мог дать. В конце разговора отец Владимир предложил Евгению съездить в паломничество к духовнику, окормлявшего его самого. Евгений с радостью принял это предложение. К прочему, наставник добавил: «Желаю тебе быстрее найти аргумент от человека, так как аргумент от Бога всегда гораздо весомее».

Марина забрала Семеона из детского садика и решила пройти домой через рынок. К дому она подходила расстроенная. Не вся квартплата погашена, подходило время платить за детский сад. Новых заказов по работе не было, а деньги стремительно исчезали. Дома ждал

писатель-гений. Марина искренне желала найти методы, способы, любые пути стимуляции своего домашнего гения. Она верила в своего Женю. Надеялась, что он когда-нибудь снова будет радоваться жизни, как он радовался ей первые полгода их знакомства.

Марине всегда хотелось быть музой. Это было то, от чего невозможно или тяжело было отказаться. Ей хотелось быть музой бывшего мужа Артемия. Тогда этого не случилось. Нечто похожее теперь она испытывала с Евгением. Она хотела быть любимой, но не меньше она любила и сама. Для того, чтобы быть успешной музой, Марина считала себя обязанной вернуть Евгению былую радость. Она старалась быть предельно деликатной в разговоре, не перечить, поддакивать даже тогда, когда она и не была с ним согласна.

Марина даже готова была, чтоб её Женечка полюбил другую, лишь бы Мир снова поселился в его душе.

На пороге дома Марина почувствовала давно забытый запах. Купаж беззаботной студенческой жизни. Марина еле сдерживала слёзы. Пахло кофе и сыром. Пройдя на кухню, она увидела на столе вазу с цветами – её любимые белые розы. На мгновение Марина не поверила своим глазам. Обрадовалась простому женскому счастью. Но что-то было по-прежнему не так.

Вошедший позже Евгений обнял Марину, как прежде, сзади.левой рукой он обнял плечо, правой рукой он обнял Марину за талию, погладив ей животик.

– Наконец-то ограбил банк? – слегка слышно спросила Марина.

– Почти, – ответил Евгений, поцеловав Марину в ухо. – Разгружал машину с продуктами.

– Молодец какой, Женя. Спасибо тебе огромное. Ты просто не представляешь, что ты сделал и как мне теперь это нужно.

Евгений и Марина разогрели утренний суп, который Марина приготовила на всякий случай.

– Превосходный супчик! Ты стала готовить лучше моей мамы, – поблагодарил Евгений.

Марина не обращала внимания на корявость комплиментов своего возлюбленного. Она верила, со временем её Женечка будет одаривать её галантными, изысканными фразами.

– Как дела у нашего вундеркинда? – спросил Евгений.

– Семеон уже почти выговаривает букву "р", только стесняется этого.

Марина была права по поводу «чего-то не того».

– Жень, ты хмурый, что-то случилось?

– А каким я должен быть? Мы уже сутки не были близки.

– Болтун. Серьёзно, я же вижу, что что-то не так.

– Хочешь поговорить? – спросил Евгений.

В этот момент Марина жалела, что начала разговор. Было не ясно, к чему это могло привести. Однако отступать было поздно. Надев улыбку, она обезоруживающе мягко произнесла:

– Конечно хочу.

Семеон рисовал за своим столиком, Иаков был как всегда в окружении книг. Евгений очень сдержанно сказал:

– Наше общество большое, – сказав это, Евгений многозначительно молчал, как бы прощупывая оппонента.

– Заболело оно не вчера. Выкладывай, что случилось.

Евгений старался быть кратким и менее эмоциональным. Подбирая слова, он начал свой рассказ.

– Сегодня мы разгружали картошку у супермаркета и сделали перекур. Курить пошли к будке охранника. Он телек там смотрел. Я услышал репортаж «чрезвычайки». Возбуждённый какой-то мужик, в супермаркете, не в нашем, где-то на окраине, разбил витрину, чего-то ещё... Короче, полиция его задержала. Так вот тётка эта, репортёр, знаешь, что сказала? Говорит, задержанный признался, что он состоит на учёте у психиатра, – последнюю фразу Евгений, смакуя, растягивал, ожидая оценки Марины.

– Ну... И..?

– Что "И"? – плохо сдерживая раздражение, ответил вопросом на вопрос Евгений. – Признаются в чём-то, либо противоправном, либо постыдном. Ты видела хоть один репортаж, где говорят следующее: преступник был задержан; он признался, что у него сахарный диабет? Или пьяный водитель, сбив пешехода, вдруг признался, что у него глаукома.

Марина молчала. Она по-прежнему не понимала, что так сильно задевало Евгения. Она понимала, что пора менять тему разговора, для разрядки обстановки.

– Кстати, как твои дела с сахаром? Ты ходил к врачу?

– Я со стеной говорю, Мариша? Кого я ругаю? Ты тоже не понимаешь, что случилось. Зачем ругать кого-то? – уже к стене обращался Евгений, однако, очень быстро он взял себя в руки.

Вся следующая неделя была подготовлением к паломнической поездке. Нужны были деньги, нужно было как-то обосновать это уже измученной от нищеты Марине...

– Что нового ты собираешься там услышать? Молитесь, молитесь и ещё раз молитесь? – спрашивала Марина. Ты сам уже способен принимать решения. Объясни мне, для чего тебе это надо? Развеяться? Хорошо! Я тоже с детьми развеюсь, поеду к маме.

– Церковь апостольская учит послушанию, и пренебрегать благословением грешно, – еле слышно парировал Евгений.

– А жить, значит, впроголодь не грешно? Решено. Деньги останутся в семье. Хочешь ехать? Возьми благословение на подработку – и вперед.

Евгений так и сделал. Сразу после работы он отправлялся на разгрузку вагонов с продовольствием. В течение четырёх дней деньги были найдены.

Евгений искал дешевых билетов, но сидячих мест не было, и он купил единственный билет в плацкарте – верхняя "боковушка" у туалета.

Прошло уже около десяти лет, как Евгений в последний раз ехал на тридцать восьмом месте, верхней боковушке возле туалета, когда он несколько лет работал курьером-экспедитором. Тогда, выматываясь за день, Евгений плюхался на наспех запроваленную койку. Ничто не могло потревожить его сон: ни стук колёс, ни хлопанье дверей, ни сигаретный дым, валивший из тамбура, ни запах самого туалета.

Сейчас от той "прежней роскоши" остался, пожалуй, лишь стук колёс, да и то рессоры стали мягче.

Евгений мысленно читал молитвы, сбивался, снова читал. Сбиваясь, он видел Марину и Иакова, Семеона, Полину с дочерью, папу с мамой, Рогоз. Он слышал слова Марины: «Ну что нового он скажет тебе? Молитесь, молитесь и ещё раз молитесь?..». Евгений пытался угадать слова священника, останавливал себя всякий раз и снова брался за молитву. Время прибытия на место назначения – семь пятнадцать. Евгений поставил будильник на шесть сорок пять, умылся и уснул.

Проснувшись утром, Евгений поплёлся в туалет. Он пробыл там около пятнадцати минут, а когда вернулся, соседка с тридцать седьмого места протянула ему его телефон и сообщила, что ему звонили.

«Марина», – подумал Евгений. – «Волнуется за меня или случилось что?»

Он стал перезванивать, но сеть была недоступна. Тогда эта женщина с тридцать седьмого места сказала:

– Вас так долго не было, и я подумала, что что-то случилось. Я нечаянно обнаружила, что у Вас в контактах нет ни папы, ни мамы, ни родителей, но у Вас восемь отцов. Как это возможно? Вы, наверное, детдомовский?

- Любопытство не порок, мисс Марпл.
- Что, простите? Я плохо слышу.
- Я спросил, с чего Вы решили, что я детдомовский? – чуть громче задал вопрос Евгений.
- Интуиция, – ответила соседка.
- И дедукция, – утвердительно дополнил Евгений.
- Что?
- Я говорю, что я так и думал.
- Видите ли, я подумала, что это компенсация за дефицит общения в детстве.
- Тогда позвольте и мне полюбопытствовать, где и кем Вы работали? Следователем в прокуратуре?
- Поняла. Я рассердила Вас... Я всю жизнь посвятила детям. Я педагог.
- Бедные дети, – шёпотом сказал Евгений.
- Что, простите?
- Я говорю, повезло им очень с Вами, чуткая Вы, – на этот раз Евгений не скрывал раздражения.
- А Вы – злой. Простить не можете старушку. А я помочь Вам искренне хотела.
- «Вот тебе и Юрьев день...» – Евгений посмотрел на соседку и обнял её за плечи.
- Правы Вы, бабушка. Злой я какой-то действительно. Не-про-ще-нец.
- Перед самой высадкой Евгений сказал:
- Спасибо вам большое. Вы мне очень помогли.

Евгений успевал на утреннюю службу. Он отстоял её в молитве, приложился к Кресту, стал искать нужного батюшку. К его радости, священник этот был старше, чем ожидал Евгений. Договорившись о беседе, Евгений отправился в келью, где ему предоставили место. Ждать было нужно недолго, всего два часа.

Это не было исповедью. Священник Стахий оказался иеродьяконом. Он очень внимательно, в течение почти двух часов, выслушал Евгения и сказал:

– Иди жить к жене. А книгу назови "Пособие неспособного", так будет правдивее. Хотя нет, лучше назови книгу "Руководство к многоженству". Так будет еще лучше. А на лбу себе напиши: «Скупка краденного».

– Зачем Вы так, отец?

– Возьми пряник в трапезной. Утешься обратной дорогой.

Евгений ждал большего и не уходил. Более разбитым он себя еще никогда не ощущал.

– Хорошо, расскажу про себя, – произнес отец Стахий. – В Миру я тоже писал и даже печатался. Про что книга твоя? – спросил монах.

– Моя книга о любви.

– А может о ненависти и злопамятности? Желаете взять псевдоним? Могу подсказать подходящий. Для Набокова ты жидковат, но раз уж его творчество тебе нравится, возьми псевдоним Однобоков. Тебе ведь нравится ругать священников и жаловаться на своих женщин? За собой ты грехов не подмечаешь. Или, написав книгу, думаешь вернуть Полину?.. Да ты никак насолить ей решил? – последние вопросы были больше испытанием.

– Боже упаси, отец. Потребность это моя. Может же это быть призванием?

Табурет, на котором сидел Евгений, стал терять свою твёрдость. Хотелось курить – это было остаточное явление. Евгений бросил курить уже около десяти лет назад, но в очень сложные периоды это желание возникало, словно чёрт из табакерки. Это явление Евгений назвал "курительным каламбуром". Он прекрасно знал, что сразу же после пяти, максимум десяти

молитв это явление исчезало, как дым. И этому исчезновению Евгений также придумал шуточное название: "посттабакерочный синдром". Но теперь было совсем не до шуток...

– Первым моим послушанием было отречься от писаний, – уже совсем спокойно, почти с состраданием говорил священник. – Переживал я сильно. Но я холостой был. Девоч, слава Богу, не знал. Тебя осуждать не буду и даже дружески благословлю. Потому как вижу, что полезнее тебе будет эту книгу написать. Хороший писатель один на сто тысяч рождается... Писатель, в первую очередь самокритик... Кто знает, может это ты и есть.

Короткую молитву для тебя скажу, как ты просил. Повторяй её до ста раз: «Господи, сотвори душу мою храмом любви и для начала дай мне хоть горстку терпения». Терпения тебе понадобится очень много – не больше, чем другим, но всё же много. Писателем ты, скорее всего, станешь, а вот каким – зависит только от тебя. Писатель не только ученик, но и учитель. Пути Господни неисповедимы. Возможно, именно писание книги наполнит твою душу любовью. Выброси из головы идеи про идеализм, гуманизм. Это придумки социалистов для оправдания своего неверия, для оправдания своих поступков. Для оправдания своей импотенции. Это теории утопизма. Уж мы такие все разные, и в желании окружить себе подобными, есть желание выбрать крест полегче. Я тоже на новоначалном уровне искал противоречия во всём Божественном. Недоумевал от некоторых странных слов и оборотов молитв. Помнишь Молитву мытаря? Почему, – спрашивал я себя, – мы говорим "Будь милостивым"? Разве нет в этих словах безрассудства? Разве не лучше сказать: Господи, будь таким как всегда; таким, каким Ты был вчера; таким, каким Ты был двести лет тому назад. Оставайся таким, каким являешься, а я постараюсь подстроиться под Тебя, приняв всё от Тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.